

20 Мая.

№ 15-й

1905 года.

ПОЛТАВСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

Объ отношеніи духовенства къ современнымъ общественнымъ движеніямъ.¹⁾

Движеніе къ преобразованіямъ внѣшнихъ формъ гражданской жизни въ послѣднее время приняло такіе размѣры, что православное духовенство не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ переживаемаго Россіей историческаго момента. Конечно, русскій народъ вынесетъ на своихъ могучихъ плечахъ всѣ бѣдствія настоящей минуты. Его гений творчества въ области строенія земли сумѣетъ проявить себя и нынѣ съ такою же силою, какъ во времена былыя. Но во всякомъ случаѣ предстоитъ весьма сложная работа—создать много совершенно новаго на мѣсто того, что или же уже разрушено, или же можетъ быть разрушено. Работа эта въ полномъ соотвѣтствіи съ основными началами народнаго характера и въ духѣ евангельской любви и мира можетъ быть осуществлена только при свободномъ участіи въ ней всѣхъ наилучшихъ силъ государства и, прежде всего, нашего духовенства, которому въ жизни народа всегда принадлежала самая выдающаяся роль.

¹⁾ Рефератъ, предложенный въ Кіевскомъ пастырскомъ собраніи 29 марта 1905 г., по вопросу, подлежащему обсужденію въ обще-епархіальномъ пастырскомъ собраніи, разрѣшенномъ Его Высокопреосвященствомъ и имѣющимъ быть въ г. Кіевѣ въ концѣ текущаго учебнаго года.

Въ какое же отношеніе къ современнымъ преобразовательнымъ движеніямъ должно поставить себя наше православное духовенство?

Мнѣ могутъ сказать, что для пастырей церкви—слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ въ духѣ евангельскихъ изреченій: „Кто поставилъ Меня судить или дѣлать васъ“, „Воздадите кесарево кесарю и Божіе Богу“,—такого вопроса не существуетъ: наша пастырская дѣятельность имѣетъ, скажутъ, настолько опредѣленные задачи, неизмѣнныя отъ начала существованія церкви, что никакая перемѣна внѣшняго строя жизни не можетъ устранить, ни даже ослабить ихъ. Но оставляя эту несомнѣнную истину въ сторонѣ, мы имѣемъ въ виду духовенство православное, какъ исторически сложившееся сословіе, жизненные интересы котораго неотдѣлимы отъ интересовъ общерусской жизни.

Интересы эти заключаются въ томъ, чтобы, возстановивъ при этомъ свой авторитетъ и въ глазахъ высшихъ сословій и т. н. интеллигенціи, изо всѣхъ силъ рвущихся къ власти, чрезъ то удержать за собою значеніе одного изъ наиболѣе творческихъ элементовъ русской государственности и сохранить вѣками пріобрѣтенное господствующее вліяніе на православный народъ. Безъ всего этого и чисто пастырская дѣятельность наша будетъ подвержена большимъ испытаніямъ, при нарождающихся новыхъ условіяхъ общественной жизни.

Современныхъ движеній такъ же невозможно остановить, какъ и теченія многоводной рѣки. Жизнь наша можетъ возвратиться въ старое русло, только самымъ основательнымъ образомъ очищенное и углубленное. Но при этой очисткѣ и углубленіи многимъ корнямъ угрожаетъ опасность быть выброшенными. Намъ хорошо нужно помнить извѣстные случаи, когда жизнь могучихъ націй получала извѣстное направленіе въ зависимости отъ небольшой кучки людей, превратно представлявшихъ себѣ основной характеръ родной исторіи, или даже дѣйствовавшихъ прямо вопреки этому характеру. Въ возобладаніи такихъ людей и у насъ заключается серьезная опасность нашихъ дней не только для всей Россіи вообще, но и для нашего духовенства въ частности, потому что о

своемъ враждебномъ отношеніи къ духовенству и церкви многія наши общественныя *группы*, съ одностороннимъ пониманіемъ жизни, не стѣсняются говорить открыто.

Итакъ, православное духовенство дѣятельно должно готовиться къ защитѣ своихъ вѣковыхъ интересовъ. И прежде всего, оно должно всѣми силами удерживать за собою значеніе руководителей народа во всѣхъ проявленіяхъ его жизни, обезопасивъ себя отъ конкуренціи съ цѣлою арміею народныхъ „просвѣтителей—культуртрегеровъ“.

Сила пастырей церкви, какъ духовныхъ руководителей народа, всегда заключалась въ тѣсномъ общеніи съ нимъ на почвѣ его повседневной жизни. Гдѣ это общеніе ослабѣвало, или же принимало одностороннее направленіе, тамъ пастыри неминуемо теряли свой авторитетъ. Не случилось ли это въ послѣднее время съ большинствомъ изъ насъ? Продолжаетъ ли народъ смотрѣть на насъ съ тѣмъ довѣріемъ, къ нашему пастырскому авторитету, на какое мы имѣемъ историческое право претендовать? Если же это случилось, если нашъ авторитетъ значительно поколебался, то мы должны имѣть мужество сознаться въ этомъ и подумать о томъ, что дальше можетъ быть еще хуже.

Какъ руководители народа, мы должны обстоятельно разъяснять ему то, что совершается вокругъ него, уяснять ему внутренній смыслъ общественныхъ движеній, въ которыя онъ естественно втягивается все болѣе и болѣе. Мы должны помочь ему разобраться въ его дѣйствительныхъ нуждахъ и найти наилучшіе способы борьбы съ ними. Такимъ образомъ, подвергающіяся нынѣ переоцѣнкѣ понятія о собственности, о правовомъ устройствѣ общественной и государственной жизни и т. п. должны сдѣлаться постояннымъ или преимущественнымъ предметомъ бесѣдъ нашихъ и церковныхъ, и вѣбогослужебныхъ. Въ противовѣсъ дикимъ мечтамъ о коммунизмѣ, о борьбѣ противъ богачей, о революціи и т. п., нужно раскрывать значеніе труда и капитала для благосостоянія, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, значеніе власти для урегулированія правильнаго отношенія между трудомъ и капиталомъ и т. п.

Конечно, въ церковной проповѣди на эти темы требуется самая мудрая осторожность, чтобы пастырь изъ духовнаго руководителя пасомыхъ не превратился въ народнаго трибуна.

Въ словахъ проповѣдника на церковной кафедрѣ все должно дышать святостью, любовью къ ближнему и полною справедливостью. Особенно же намъ нужно быть справедливыми, чтобы народъ не получалъ впечатлѣнія, будто извѣстныя правовыя начала существуютъ только для удовольствія однихъ и для угнетенія другихъ. Такое впечатлѣніе легко можетъ получиться въ томъ случаѣ, если; напр., пастырь, говоря о правѣ собственности, будетъ настаивать только на признаніи этого права за имущими классами со стороны неимущихъ. Справедливость требуетъ, чтобы мы, призывая послѣднихъ къ уваженію чужихъ правъ, первыхъ настойчиво побуждали къ выполненію обязанностей, съ правами соединенныхъ. Необходимо почаще открывать Слово Божіе на тѣхъ страницахъ, которыя выражаютъ прещеніе Божіе противъ людей, живущихъ въ полное свое удовольствіе на счетъ нуждающихся, бѣдныхъ, нищихъ.

Но одною проповѣдью, хотя бы и на самыя жизненныя темы, какъ бы внимательно къ послѣднимъ ни относились, пастыри не въ состояніи будутъ утвердить своего авторитета, гдѣ онъ пошатнулся или гдѣ усиленно расшатываютъ его многочисленныя враги духовенства. Чтобы всецѣло овладѣть сердцемъ народнымъ, необходимо заставить народъ убѣдиться въ томъ, что пастыри церкви суть истинные радѣтели о его благѣ не только душевномъ, но въ равномъ мѣрѣ и тѣлесномъ. Для этого въ рукахъ пастырей есть самое дѣйствительное средство—благотворительность.

Вспомнимъ христіанскія общины апостольскихъ временъ и первыхъ трехъ вѣковъ. Въ этихъ общинахъ вопросы о матеріальномъ, экономическомъ благосостояніи вѣрующихъ занимали столь же видное мѣсто, какъ и вопросы о спасеніи души. Иерусалимъ, Антиохія, Солунь, Коринѣ, въ послѣдствіи Римъ, Карфагенъ, и Александрія—вѣдь это своего рода об-

ширныя братства съ цѣлями религіозно-нравственными и вмѣстѣ съ тѣмъ экономическими. Не въ этомъ ли заключается тайна несокрушимой силы Христовой церкви въ періодъ гоненій? И не въ этомъ ли тайна сильнаго вліянія на народъ великихъ пастырей церкви?

Мы твердо убѣждены, что благотворительныя учрежденія при нашихъ приходскихъ храмахъ, поставленныя на самыхъ свободныхъ и широкихъ началахъ, сохранять пастырямъ совершенно полное довѣріе народа и навсегда обезпечить имъ авторитетное вліяніе на всѣ стороны его жизни. Здѣсь не мѣсто говорить о практическомъ осуществленіи начала приходской благотворительности. Но считаемъ необходимымъ указать, что имущіе классы охотно пойдутъ на встрѣчу пастырямъ, желающимъ поработать для блага народа, дѣйствительно, во многомъ нуждающагося и несомнѣнно заслуживающаго самаго внимательнаго отношенія къ своимъ нуждамъ. Если для благотворительныхъ учрежденій мы будемъ собирать только гроши съ бѣдняковъ, то кромѣ „благихъ начинаній“ у насъ ничего не выйдетъ. Участіе же въ этомъ дѣлѣ землевладѣльцевъ и капиталистовъ быстро подвинетъ впередъ его развитіе. Примѣры должны быть большинству извѣстны.

Кромѣ приходской благотворительности, въ городахъ должна быть немедленно организована всесторонняя благотворительность для тѣхъ элементовъ населенія, на которые не можетъ простираться дѣятельность прихода. Фабрики, заводы, мастерскія, ночлежныя дома—сколько въ нихъ нужды и нищеты, озлобленія и ненависти противъ существующихъ порядковъ, и сколько отсюда исходитъ непримиримой вражды противъ церкви и ея представителей! Сюда-то нужно направиться намъ всѣмъ сообща, потому что нельзя же возлагать на священниковъ тѣхъ приходовъ, къ территоріи которыхъ названныя фабрики, заводы, мастерскія и ночлежныя дома принадлежатъ, непосильнаго бремени попеченія о цѣлой арміи рабочихъ.

Но кромѣ заботы о возстановленіи и упроченіи своего вліянія на народъ, настоящая минута возлагаетъ на насъ и

другую обязанность—доказать интеллигентному обществу, что православная церковь (не вѣра) есть учрежденіе жизненное, и православное духовенство, ее представляющее, есть сословіе способное къ самой серьезной работѣ на пользу общенародную.

Священникъ Н. Гроссу.

(Кіев. Еп. Вѣд.).

Серьезное разногласіе.

Въ переживаемый нынѣ историческій моментъ, когда встревоженная и измученная общественная мысль инстинктивно силится отыскать какой либо выходъ изъ цѣлаго лабиринта неурядиць, нестроенія, и когда въ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ лучшей его части, уже ясно опредѣлилась потребность въ спокойной, созидательной работѣ,—„забытая общественная сила“—духовенство невольно заставляетъ вспомнить и о себѣ. Совершенно неудивительно поэтому, если ежедневная пресса запестрѣла статьями о духовенствѣ; если въ печати и обществѣ оживленно комментируются голоса представителей духовенства; и если, наконецъ, эта печать старательно подхватываетъ и заноситъ на свои страницы всякаго рода факты, выставляющіе общественную роль духовенства въ томъ или иномъ свѣтѣ.

Къ несчастью, въ годину тяжелыхъ испытаній духовенство, эта потенціально могучая сила, не обнаружило въ себѣ глубокаго, органически цѣлостнаго единства; эта сила оказалась какой-то несогласованной, разрозненной, мало способной къ здоровой кипучей жизнедѣятельности и даже отчасти инертной. На современную дѣйствительность духовенство откликнулось слабо, недружно, а кромѣ того, въ рѣчахъ и сужденіяхъ своихъ представителей обнаружило явное разногласіе, доходящее иногда до полнаго уничтоженія однихъ взглядовъ другими.

Извѣстный (правда, очень своеобразный) мыслитель по вопросамъ религіи и церковно-общественной жизни—г. В. Розановъ пишетъ: *) „Просматривая „Богословскій

*) См. «Новое Время» № 10428 «Къ возрожденію духовенства».

Вѣстникъ“—органъ московской академіи и „Церковный Вѣстникъ“—органъ петербургской академіи, гдѣ пишутъ не только ученые профессора, но и епископы и священники,—и сравнивая ихъ съ органами другихъ двухъ нашихъ академій или съ „Вѣрою и Разумомъ“, нельзя не усмотрѣть, что единства въ составѣ мысли, въ чаяніяхъ грядущаго, нѣтъ въ нашемъ духовенствѣ. Стѣна церковная, насколько она конкретно выражается въ наличномъ составѣ чернаго и бѣлаго духовенства, имѣетъ незадѣлываемую и, кажется, все ширящуюся трещину, по линіи которой, несомнѣнно, произойдетъ распадъ“.

Послѣднее опасеніе, вѣроятно, напрасно; но основную мысль г. Розанова едва ли можно отрицать, а въ особенности по скольку рѣчь его касается взглядовъ духовенства на переживаемыя событія. Въ этомъ отношеніи не только въ органахъ духовной печати и въ рѣчахъ представителей духовенства, но даже и въ рядахъ сельскаго духовенства ясно обозначились два направленія, которыя можно назвать, пользуясь ходячей терминологіей — консервативнымъ и либеральнымъ. Такимъ образомъ, голоса духовенства, вмѣсто того, чтобы слиться въ одинъ могучій хоръ, властно покоряющей дѣйствительность силою своего единства и убѣжденія,—эти голоса какъ бы повисли надъ этой дѣйствительностью въ какой-то слабости и разногласіи: словно подпадая вліянію царящей вокругъ смуты и неурядицы.

Точно въ униссонъ разногласію духовенства, и ежедневная печать сплошь и рядомъ даетъ мѣсто на своихъ страницахъ такимъ сообщеніямъ, которыя оттѣняютъ современную общественную роль духовенства совершенно пртивоположно. Вчера, напр. газеты сообщали, *) что группа духовенства подала петицію о немедленномъ проведеніи реформъ, возвѣщенныхъ Высочайшимъ рескриптомъ отъ 18 февраля; а сегодня сообщаютъ, что нѣсколько священниковъ въ союзѣ съ приставомъ и пожарнымъ брандмейстеромъ организовали общество борьбы съ крамолой. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что подобныя сообщенія представляютъ не что иное, какъ газетную утку; но характерна и краснорѣчива уже одна возможность появленія такихъ противорѣчивыхъ „утокъ“. Нельзя удивляться

*) См. «Полтавщина» № 75, «Биржевыя Вѣдомости» и др.

поэтому, если и въ представлѣніи свѣтскаго общества духовенство подраздѣлилось на двѣ неравномѣрныя группы: „отсталыхъ“ и „просвѣщенныхъ“.

Вполнѣ естественна и неизбѣжна партійность и пестрота взглядовъ на переживаемыя событія въ свѣтскомъ обществѣ; но крайне удивительно и печально подобное явленіе въ средѣ духовенства. для котораго, казалось бы, возможна въ данномъ случаѣ только одна отправная точка зрѣнія?

Откуда это разногласіе среди духовенства?

Причинъ, конечно, много, но не послѣдняя изъ нихъ и та, что разгорѣвшіяся событія общественной жизни застали насъ врасплохъ, неподготовленными, поглощенными своими собственными неурядицами и ослабленными утратой живого, духовнаго взаимообщенія.

Въ особенности затруднительно было положеніе рядового духовенства, которое, послѣ того, какъ взглядъ на современныя событія опредѣлился достаточно ясно и въ духовной печати и въ рѣчахъ представителей духовенства, — оказалось между своего рода Сциллой и Харибдой: между двухъ направленій общественно—богословствующей мысли.

Въ чемъ сущность того и другого направленія?

Какъ извѣстно, подъ вліяніемъ нашихъ военныхъ неудачъ, раскрывшихъ многіе недочеты общественно-государственной жизни, въ русскомъ обществѣ зародилось широкое движеніе, проявившееся не только въ составленіи всякаго рода петицій ходатайствъ, адресовъ, резолюцій и т. д., но подчасъ и въ такихъ гнусныхъ члѣніяхъ, которыя не могли не возмущать всякаго истинно-русскаго человѣка. Однако, если необходимость реформъ провозглашена и съ высоты царскаго трона, то очевидно въ стремленіяхъ русскаго общества оказалось и нѣчто такое, что заслуживало глубокаго вниманія. Тѣмъ не менѣе нѣкоторая часть духовенства и понынѣ какъ будто не хочетъ или не можетъ отличить это „нѣчто“ здоровое отъ подло-агитаторскаго, зерно отъ шелухи, сущность отъ грубо-размалеванной декорациі. Результатомъ же этого явилась явно односторонняя оцѣнка современныхъ событій. Громъ обличеній посыпался на все безъ разбора и на правыхъ и

на виноватыхъ, безъ всякихъ разграниченій и оговорокъ. Случалось, что съ церковной кафедры стремленія русскаго общества объявлялись нравственной эпидеміей; а представители передовыхъ слоевъ общества—„безумцами, ослѣпленными челоѡконенавистничествомъ“. Сплошь и рядомъ появлялись и появляются статьи*) и рѣчи духовенства, въ которыхъ охватившее страну движеніе представлялось дѣломъ небольшой кучки агитаторовъ: мятущихся ученыхъ, писателей, адвокатовъ, земскихъ и думскихъ дѣятелей, студентовъ и рабочихъ; причемъ этому движенію безапелляціонно приписывалось то, въ чемъ лучшая часть русскаго общества совсѣмъ неповинна: именно, революціонно-анархическіи цѣли. Нужно ли говорить, какая кровная обида наносилась такими сужденіями лучшимъ русскимъ людямъ, которые, ходатайствуя о проведеніи реформъ, громко заявляли о своей рѣшимости бороться съ партіей людей конституціоннаго образа мыслей.***) (Объ анархистахъ и говорить не стоило: они возбуждаютъ только ужасъ и отвращеніе въ обществѣ).

Но печальнѣе всего то, что духовенство иногда впадало въ тотъ недостатокъ, который болѣе всего отталкиваетъ и озлобляетъ противъ него свѣтское общество: именно: вносило въ сферу чистой религіи принципы совершенно государственнаго характера. Такъ, напр., на одномъ богословскомъ чтеніи читался рефератъ на тему: „Искушеніе Христа Спасителя въ пустынѣ съ приложеніемъ къ современной дѣйствительности“.***) Говоря о третьемъ искушеніи Спасителя, духовный ораторъ уподобилъ дьяволу людей, желающихъ созыва земскаго собора: Не искушаютъ ли и нынѣ подобнымъ образомъ Слугу и Помазаника Божія-Самодержавнаго Государя?

*) См., напр., „Каковъ будетъ голосъ церкви“ (орл. Еп. В.).

**) Вспомнимъ, напр., недавнее постановленіе совѣщавшихся въ Москвѣ губернскихъ предводителей дворянства. А вѣдь они выразители мнѣнія широкихъ общественныхъ круговъ,

***) Гдѣ это было и къмъ говорено—мы считаемъ лишнимъ говорить, а также будемъ избѣгать этого и въ дальнѣйшемъ содержаніи статьи. Но предупреждаемъ, что въ тѣхъ источникахъ, откуда мы заимствуемъ факты—мѣсто дѣйствія и лица названы полными именами, прошумѣвшими въ столичной и провинціальной прессѣ.

Зачѣмъ тебѣ нести бремя власти?—раздѣли его между нами!“. Это говорилось за 7 дней до появленія Высочайшаго рескрипта, коимъ призывались къ участию въ государственной работѣ облеченные народнымъ довѣріемъ избранники.

Духовенство обвиняли и обвиняють въ томъ, что оно не протестовало ни противъ Петровыхъ насилій, ни противъ бироновщины и аракчеевщины; ни противъ кнута, шпицрутеновъ и висѣлицы, ни противъ крѣпостнаго права и т. д., обвиняють въ томъ, что оно сторонилось отъ ужасовъ жизни и всему возглашало многая лѣта; но во всѣхъ такихъ обвиненіяхъ мы еще можемъ оправдываться; но трудно намъ будетъ оправдаться, если мы посвятимъ наши проповѣди положительной защитѣ застоя и рутинны жизни.

Но возвратимся къ темъ. Справедливость требуетъ сказать, что духовенство, вмѣсто того, чтобы умѣрять и утишать воспламенившуюся общественную борьбу—свѣтомъ любви и примиренія, иногда и само втягивалось въ эту борьбу, еще болѣе разжигая общественныя страсти. Такъ, напр., въ А-мъ соборѣ священникъ N объяснялъ въ своемъ словѣ всѣ наши военныя неудачи и внутреннія нестроенія грѣхами русской интеллигенціи, для которой нѣтъ ничего святого и которая буквально вся заражена невѣріемъ, лихоимствомъ, казнокрадствомъ и т. д. „И за эти грѣхи интеллигенціи“—говорилъ проповѣдникъ:—„гибнуть на войнѣ ваши отцы, ваши сыновья, ваши братья... И если вы потеряли тамъ одного изъ своихъ близкихъ, то знайте, что потеряете еще двухъ, трехъ“...

Нужно ли пояснять, что подобныя проповѣди уже явно возстанавливаютъ одно сословіе противъ другого и бросаютъ въ среду слушателей „не миръ, а ножъ“. Что удивительнаго, если въ печати проносится иногда цѣлая буря негодованія и ненависти къ духовенству?

Что удивительнаго, если въ печати и въ обществѣ нарождается слухъ—будто бы подъ вліяніемъ проповѣдей духовенства совершалось иногда избіеніе толпой интеллигенціи и умѣщихся?

Нѣтъ намъ, нужно не увеличивать, а уничтожать ту пропасть, которая все больше разрастается между нами и интел-

лигенціей. „Намъ тяжело наше разъединеніе и взаимное непониманіе“—говорилъ по адресу интеллигенціи (предъ открытіемъ религіозно - философскихъ собраній въ Петербургѣ) епископъ Сергій—этотъ яркій свѣтильникъ и драгоценный алмазъ нашего православія: „Насъ тяготитъ сознаніе всей пагубности этого разъединенія и всей нашей отвѣтственности за него. Намъ нуженъ путь къ единству, чтобы этимъ единствомъ намъ потомъ вмѣстѣ жить и вмѣстѣ работать на общерусскую пользу. Наша цѣль примириться на единой христіанской истинѣ“.....

Вотъ принципъ, слѣдуя которому мы едва ли навлечемъ на себя ненависть и озлобленіе интеллигенціи, какъ бы она далеко отъ насъ не отстояла,—и руководясь которымъ мы облегчимъ нашу нравственную отвѣтственность за это разъединеніе, которое, если и продолжится, то уже не по нашей винѣ.

Но перейдемъ къ взглядамъ духовенства того направленія, которое (да простится это намъ) мы назвали либеральнымъ. Сущность этого направленія можно опредѣлить извѣстными словами не менѣе извѣстной рѣчи: „пятьдесятъ лѣтъ назадъ бичъ Божій ударилъ насъ съ моря чтобы растаяли наши сердца, и страна свергла оковы тѣлеснаго рабства. Отъ моря пришелъ гнѣвъ Божій и нынѣ затѣмъ, чтобы разсыпался пережитокъ тѣхъ дней—порабощенность духа“.

Но послѣдовательно развивая этотъ взглядъ примѣнительно къ событіямъ нашей внутренней жизни, нѣкоторые проповѣдники ушли гораздо дальше.

„Да какъ ни горько и грустно признаться“—говорилъ, напр., архимандритъ N въ K-мъ соборѣ: но это такъ: мы не цѣнили правды настолько, чтобы обличать неправду и участвовали своимъ молчаніемъ въ вѣковой неправдѣ жизни. Мы своимъ молчаніемъ заискивая передъ сильными, не заботились о слабыхъ: не защищали меньшую братію нашу, мы знали наденія и грѣхи нашего народа и тяжесть жизни его—и молчали. Я говорю о всѣхъ насъ, о всемъ русскомъ обществѣ и прежде всего о себѣ. Я служу церкви, я служитель алтаря и я первый виноватъ въ томъ, что сейчасъ указываю“.

Насколько виновато русское общество въ томъ, въ чемъ обвиняеть его о. архимандритъ—этотъ вопросъ мы оставимъ въ сторонѣ, какъ слишкомъ сложный, но духовенство!.. Неужели оно умалчивало называть черное чернымъ, зло-зломъ? Неужели оно сознательно уклонялось освѣщать начала жизни свѣтомъ добра и справедливости? Если же оно не изобличало зла, насколько послѣднее проявлялось въ конкретныхъ формахъ общественно-государственнаго строя—то неужели его можно обвинять за это? На дняхъ газеты сообщали такой фактъ: священникъ N, возмущенный безчеловѣчнымъ отношеніемъ земскаго начальника къ семьямъ ушедшихъ на войну запасныхъ, рѣшился публично разоблачить эту неправду и злоупотребленіе властью—и что же? Земскій начальникъ на мѣсть, а священникъ не только подвергся грубому оскорбленію со стороны этого начальника, но и находится подъ опасностью быть удаленнымъ съ прихода, о чемъ, подъ давленіемъ земскаго начальника, составленъ общественный приговоръ. И это въ наше-то либеральное время, а что же ожидало этого священника въ прежнее время? Но, если хотите—дѣло не въ этомъ даже. Исторія прошлаго духовенства знаетъ и примѣры мученичества за правду. Дѣло вотъ въ чемъ: неужели можно сомнѣваться, что если бы духовенство дружно ополчилось противъ всѣхъ „неправдъ жизни“, то нынѣшняя кровавая смута разразилась бы гораздо раньше и въ размѣрахъ, еще болѣе ужасающихъ? Но вѣдь эволюція общественной жизни имѣетъ свои законы—и имѣло ли духовенство право принять на себя отвѣтственность за то, что могло оказаться только однимъ несчастьемъ, ни на іоту не прибавившимъ къ жизни „торжества правды“?

Поддаваясь „покаянному“ настроенію, нѣкоторые проповѣдники принимаютъ на себя вины, еще болѣе серьезныя. Такъ, напр., извѣстный духовный публицистъ—іеромонахъ М. восклицаетъ: „Скажите, развѣ мало у насъ проповѣдей о „красотѣ“ бѣдности, написанныхъ ради спокойствія богатыхъ? Правду говорятъ, что у насъ теперь совершается какая-то „переоцѣнка всѣхъ цѣнностей“. Доселѣ мы были глубоко убѣждены, что проповѣдуя о „красотѣ“ бѣдности, мы имѣемъ въ виду дать утѣшеніе, пролить цѣлительный бальзамъ въ

изстрадавшееся сердце бѣдняка, примиряя его съ тяжелой долей во имя „бѣдности и уничтоженія“ Христа Спасителя. Нельзя отрицать конечно, что бывали, какъ печальныя исключенія, и такіе проповѣдники, которые можетъ быть вдохновлялись заботой о спокойствіи богатыхъ; но, повидимому, не объ этихъ исключеніяхъ ведетъ свою рѣчь іеромонахъ М.

Еще болѣе поразительно разногласіе, возникающее во взглядахъ духовенства на интеллигенцію. Та интеллигенція, по адресу которой со стороны однихъ сыпятся такія ядовитыя стрѣлы обличенія,—другимъ изъ духовенства представляется совершенно въ иномъ свѣтѣ. Іеромонахъ Давидъ, напримѣръ, призываетъ духовенство понять и оцѣнить тѣ идеалы правды, добра и красоты, которыми неложно украшается наша интеллигенція и пріобрѣтаетъ прочное уваженіе не только въ городахъ, но даже и въ селахъ. „Духовенство“, пишетъ онъ: „то и дѣло кричить, изрыгаетъ по адресу интеллигенціи слова: гордый, ослѣпленный, помраченный разумъ, заблуждающіеся сыны погибели и т. д. Своими грозными рѣчами пастыри никого не убѣждаютъ, а только вызываютъ въ однихъ смѣхъ, въ другихъ озлобленіе, отвращеніе, и напрасно учащая церковь утѣшаетъ себя мыслью, что истинная интеллигенція—одинаковаго съ ней образа мыслей, иномыслить только ложная интеллигенція. Трудно опредѣлить какая интеллигенція истинная и какая ложная, и опасно дѣлать интеллигенцію на истинную и ложную и истинной называть одинаково мыслящую съ церковью, а ложной считать противомыслящую. Можетъ быть, на сторонѣ духовенства окажутся люди съ недостаточными познаніями, съ слабой духовной организаціей; настоящіе же интеллигенты окажутся враждебными учащей церкви“.

Какой рѣзкій контрастъ, если сопоставить этотъ взглядъ со взглядомъ на интеллигенцію архимандрита Серафима (см. Гдѣ истинная интеллигенція?— Ц. В. 1904 г.). Впрочемъ, такихъ сопоставленій можно было бы сдѣлать еще немало; но и безъ этого ясно, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ, касающихся современной дѣйствительности взгляды духовенства расходятся до полной противности. И если „консервативный“, такъ сказать, лагерь духовенства временами впадаетъ въ одну

крайность, то надъ „либеральнымъ“ лагеремъ духовенства рѣшетъ опасность приблизиться къ другой.

Но вотъ голосъ, глубокій, задушевный; полный всепокояющей проникновенности.—голосъ епископа Сергія—этого нелицеприятнаго и глубочайшаго богослова, въ которомъ гармонически сливается и „консерватизмъ“, и „либерализмъ“ богословствующей мысли. „Подвижникъ Христовъ ни въ чемъ подобномъ (партійной борьбѣ) участвовать не можетъ“ говорилъ онъ новопостриженному иноку Герману. „Если люди, стоящіе за сохраненіе существующихъ порядковъ, видя его смиреніе и послушаніе ко всѣмъ, вздумаютъ воспользоваться его нравственнымъ вліяніемъ въ своихъ цѣляхъ, то они скоро въ немъ разочаруются: подвижникъ Христовъ знаетъ только одну покорность—покорность закону Христову и волѣ Божіей, и нарушеніе этой воли всегда осудить и отвергнетъ, къ-мъ-бы и во имя чего это нарушеніе ни совершалось. Но разочаруются въ подвижникъ и люди свободомыслящіе, если бы они увлеклись его дерзновеніемъ въ исповѣданіи истины и сочли за своего: онъ знаетъ только одну свободу—„свободу чадъ Божіихъ“....

Вотъ глубина и чистота пастырскаго служенія, предъ которыми нельзя не преклониться съ восторженнымъ чувствомъ благоговѣйнаго восхищенія!

Свящ. М. Короповъ.

Пастырскія наблюденія при посѣщеніи прихожанъ

Предъ праздникомъ св. Пасхи, обычно, священникъ посѣщаетъ семейства прихожанъ для совершенія съ ними установленной молитвы. Этотъ трудъ приходскаго пастыря, отца своихъ духовныхъ чадъ, совершаемый не машинально, не съ корыстною цѣлью, есть святое дѣло во имя Божіе. Здѣсь, въ домашней обстановкѣ каждого, въ кругу его семьи, въ простой бесѣдѣ, много можно выполнить пастырскихъ задачъ, много принести утѣшенія прихожанамъ и радости своему сердцу; радости объ исполненномъ долгѣ, о взаимной любви и благодатномъ мирѣ.

Въ нашемъ приходѣ это посѣщеніе бываетъ таково: Совершенный постъ, посѣщеніе храма, исполненіе таинствъ покаянія и св. причащенія и ожиданіе приближающагося праздника вселяютъ въ прихожанахъ благоговѣйно-радостное настроеніе. Но въ каждомъ семействѣ чувствуется, что чего-то еще не достааетъ, что-то еще невыполнено, безъ чего и ожидаемый праздникъ—словно не праздникъ; чувствуется потребность видимаго, живого религіознаго выраженія и освященія этого настроенія, именно—завершительной молитвы священника—духовника среди семьи, въ домѣ. Поэтому съ нетерпѣніемъ ждутъ прибытія священника старые, и слабые, и взрослые и въ особенности дѣти.

Въ ожиданіи моего прихода, около дома обметается соръ во дворѣ; если бываетъ грязно, то черезъ грязь прокладываются доски или застилается солома; хозяинъ встрѣчаетъ во дворѣ, непременно съ открытой головой и съ поклономъ; проводивъ въ сѣни, онъ отворяетъ дверь хаты, гдѣ уже прибрано чисто, зажжена свѣча или лампадка, а иногда и накурено ладаномъ; уже стоятъ предъ иконами на колѣняхъ, совершая крестное знаменіе. Послѣ первыхъ привѣтствій, узнаю, всѣ-ли дома. Если кто изъ семьи отсутствуетъ, спрашиваю: гдѣ-же *нашъ* такой-то? Называю словомъ „нашъ“ потому, что насколько онъ ихъ семейный членъ, отецъ или братъ, настолько, же и мой духовный сынъ; а если ихъ и мой, слѣдовательно нашъ, и всѣ мы въ приходѣ—одна семья.

Послѣ этого обращаю вниманіе на св. иконы: въ порядкѣ-ли онѣ, опрятно-ли содержатся, нѣтъ-ли между ними чего лишняго—портретовъ, картинъ и т. п., при чемъ освѣдомляюсь, знаетъ-ли семья, что изображено на каждой иконѣ; если не знаютъ, или ошибаются, разъясню, исправлю—и семья бываетъ этимъ очень довольна. Мѣра эта необходима въ каждомъ домѣ, такъ какъ безъ этого бываютъ примѣры, что семья, не различая изображеній и не зная ихъ содержанія, называетъ всѣ иконы общимъ именемъ—„боги“. Въ одной хатѣ, встрѣтивъ изображенія св. Александра Невскаго и св. Екатерины, нарисованныхъ съ мечами, я спросилъ семью: какія это иконы? Мнѣ отвѣтили: „то царь небесный,

а это царица небесная“. Такъ объяснилъ имъ продавецъ этихъ иконъ. Въ другомъ приходѣ, какъ передавалъ тамошній священникъ, онъ встрѣтилъ въ домѣ рядомъ съ иконами картину такого содержания: на тройкѣ мчится ямщикъ, изъ-подъ колесъ клубится пыль, у воротъ стоитъ дѣвушка, внизу подпись: „Вотъ мчится тройка удалая...“ На вопросъ священника: зачѣмъ картина вмѣстѣ съ иконами? ему сказали, что ее считали иконою, изображающею св. Илію на облакахъ и св. Параскеву („Пятницу“). Можно-ли послѣ этого не ознакомлять прихожанъ съ содержаніемъ ихъ домашнихъ иконъ, составляющихъ семейную святыню, и когда же удобнѣе исполнять это, какъ не при посѣщеніи домовъ?

По осмотрѣ иконъ, спрашиваю, всѣ-ли отвѣлись, нѣтъ-ли болящихъ, которыхъ нужно пріобщить дома; какъ семья совершаетъ домашнюю молитву—совмѣстно или порознь, кто учитъ молитвамъ дѣтей и т. п. Послѣ этой краткой бесѣды со взрослыми, перехожу къ дѣтямъ, представляющимъ собою богатѣйшую пастырскую ниву. У взрослыхъ и пожилыхъ членовъ прихода характеры и взгляды уже сложились и окрѣпли; съ ними уже нужно считаться, какъ съ данной величиной, а въ дѣтяхъ съ первыхъ лѣтъ ихъ жизни можно пастырю при посѣщеніи семьи посвѣтать что нужно, и современемъ это приносить отрадныя плоды. Гдѣ же и побесѣдовать съ каждымъ ребенкомъ, какъ не въ домѣ? Въ церкви съ нимъ не разговоришься; въ школу ходитъ только учебный возрастъ, 8—13 лѣтъ, да и то далеко не всѣ. Кто-же и гдѣ наставитъ остальныхъ, на кого надѣяться, когда родители часто сами коснѣютъ во тьмѣ и невѣжествѣ? „Что вы, дѣти, узнали, меня?“ спрашиваю малышей, такъ какъ иные возрастные уже не помнятъ времени, когда меня въ приходѣ не было. На мой вопросъ какой-нибудь малютка, съ подкупающей улыбкой, на своемъ младенческомъ жаргонѣ отвѣчаетъ: „Пижналы“, протягивая слово почти параспѣвъ. „Кто-же я такой? продолжаю спрашивать. Вопросъ этотъ не-обходимъ для выясненія, какъ прихожане называютъ священника у себя дома: „священникъ“, „батюшка“, или „пишъ“. Взрослые на подобный вопросъ могли-бы и полукавить, а дитя выскажется прямолинейно. Названія же священника

могутъ выражать и самое отношеніе къ нему, взгляды на него со стороны пасомыхъ. Самъ Спаситель спрашивалъ учениковъ: „Кого Мя глаголете быти?“ Тѣмъ болѣе намъ слѣдуетъ устанавливать въ пасомыхъ правильную и единую точку зрѣнія на миссію, санъ и личность пастыря. Правильныя взаимныя пониманія и отношенія—основная почва для пастырства. Поэтому, спрашивая младенца, можно провѣрить самое населеніе въ каждой семьѣ. На вопросъ: кто я такой? дѣти обычно отвѣчаютъ: „батюшка“, „татусь“ и даже „дідусь“. Веду съ ними бесѣду дальше: „Скажите, кто знаетъ, чего это я пришелъ къ вамъ?“ Вопросъ тоже важный для выясненія: не считаетъ-ли народъ эти посѣщенія какимъ-либо побирательствомъ, нищенствомъ и попрошайствомъ подъ личиною религіозной требы. Если бы выяснилось такое пониманіе, тогда—лучше и не ходи. На предложенный вопросъ дѣти отвѣчаютъ различно; „Богу молитесь“, „Крестъ намъ принесли“, „Бо скоро святки“ и проч. Но ни отъ кого изъ нихъ не приходилось слышать объясненія на матеріальной почвѣ. Милыя дѣти! Между тѣмъ, какъ часто родители поручаютъ имъ монету, при чемъ наивысшая—пятакъ, для преподношенія причту при выходѣ изъ дома! И съ какою радостію, съ какимъ блескомъ счастья въ глазахъ они это исполняютъ!

Много разъ отказывался я отъ этихъ приношеній, зная и видя самъ народную бѣдноту, ихъ голодь и холодъ, но не могъ превозмочь народной этики. Просятъ и молятъ: „Не обижайте отказомъ! Не обижайтесь и сами за малую жертву: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!“ Изъ случаевъ, бывшихъ на этой почвѣ, расскажу два слѣдующихъ: На одну мать я былъ недоволенъ за недостаточный досмотръ за дочерью. По окончаніи молитвы въ ея домѣ я сдѣлалъ ей внушительный выговоръ, а при уходѣ рѣшительно отстранилъ подносимую монету. При слѣдующемъ посѣщеніи я намѣренъ былъ поступить такъ же. Но тутъ она разрыдалась и просила не наказывать ее такъ жестоко отказомъ отъ ея лепты. Жаль стало ея, и пришлось уступить. Однажды я прибылъ въ деревню для совершенія молитвы. когда прошелъ въ ней уже дворовъ 20, вижу бѣгущаго ко мнѣ домохозяина крайняго

двора. Удивившись его поспѣшности и рѣшительно не зная, зачѣмъ я нуженъ ему, я спросилъ его объ этомъ. Съ поклономъ и извиненіями заявилъ онъ, что при моемъ посѣщеніи, увлекшись разговоромъ, забылъ про „копѣчку“, которую онъ теперь и стѣшилъ принести, пока я не уѣхалъ изъ деревни. Тогда какъ я и не помню и не замѣтилъ, получалъ-ли что въ ихъ хатѣ или нѣтъ.

Но возвратимся къ дѣтямъ. Послѣ первыхъ вопросовъ, я объясняю дѣтямъ, какой скоро будетъ праздникъ, какъ нужно готовиться къ нему; сообщаю имъ, что въ праздникъ ихъ возьмутъ въ церковь, а они должны слушать, что тамъ будутъ пѣть и читать; когда же я приду къ нимъ на праздникахъ, то чтобъ рассказали мнѣ объ этомъ; разспрошу ихъ, правильно-ли произносятъ свои имена, какъ они крестятся, гдѣ Богъ находится, при чемъ иные указываютъ на уголь съ иконами. Дѣти обласканные, подготовленные, совершаютъ молитву сознательнѣе и благоговѣннѣе, не страшатся и не кричатъ въ церкви предъ причащеніемъ, а въ домахъ лѣнуть ко мнѣ съ радостью. Изъ фактовъ дѣтской привязанности можно привести такіе: Въ приходѣ есть хуторъ, расположенный на краю лѣса, за рѣкою. Въ весенній разливъ довольно долго нужно ѣхать туда лодкою. Въ одной семьѣ этого хутора есть дочь Анастасія, той маленькой прихожанкѣ теперь всего года 4; но это не по лѣтамъ серьезный ребенокъ. Когда ее подносятъ къ Причащенію или кресту, въ ней бываетъ видна такая сосредоточенность, сознательность и благоговѣніе, какія дай Богъ всякому взрослому. На минувшей страстной недѣлѣ прибылъ я къ нимъ и, конечно, кое-что говорилъ съ нею. Когда я уходилъ, она провожала меня до берега и хотѣла садиться въ лодку, чтобы ѣхать со мною; но мать сказала ей: „Ты же знаешь уже, что скоро праздникъ; мы будемъ въ церкви и опять увидимся съ батюшкой“. Чѣмъ она и утѣшилась.

Предъ Рождествомъ была стужа. Прихожу для молитвы въ одну семью и вижу, что одной изъ дочерей, лѣтъ 6—7, нѣтъ на молитвѣ. На мой вопросъ о ней сказали, что лежитъ больная на печи; больна сильно; Богъ знаетъ, выдер-

жить ли. Разказали при этомъ, что наканунѣ она вспоминала обо мнѣ, говоря, что ей не жаль умереть, а жаль мнѣ батюшки. На вопросъ—почему? она отвѣтила: „Змерзнуть дуже, якъ нестынуть ховаты“.

Вообще трогательныя выраженія дѣтской привязанности весьма часты, и въ этомъ отношеніи деревенскія дѣти несравненно искреннѣе, сердечнѣе городскихъ, часто исковерканныхъ съ первыхъ дней искусственными условіями и фальшивыми отношеніями.

Въ краткой бесѣдѣ со взрослыми и дѣтьми подготовивъ семью къ молитвѣ, священникъ совершаетъ и самую молитву, которую семья выслушиваетъ съ земными поклонами какъ и полагается по содержанию молитвы. По совершеніи ея всѣ прикладываются къ кресту, при чемъ каждый въ отдельности предварительно совершаетъ крестное знаменіе. Священникъ слѣдитъ при этомъ, всѣ ли крестятся правильно и если замѣтитъ ошибку, то разъясняетъ и научаетъ. Услѣдить за этимъ въ церкви невозможно, а при молитвѣ въ домахъ можно провѣрить и научить каждаго. При цѣлованіи креста замѣчается, что дѣти исполняютъ это съ особою, живою, трепетною радостію и любовію, словно рвутся они не только облобызать, но обнять св. крестъ, и нерѣдки случаи, когда иной ребенокъ, цѣлуя крестъ, любовно обхватитъ его обѣими рученками. Родители всегда предупреждаютъ дѣтей, чтобы, приложась ко кресту, цѣловали руку священника.

Молитва кончена, всѣ приложились, священникъ снялъ епитрахиль. Не обжаты же молчал за двери. Нѣтъ! Тутъ начинается обще-семейный оживленный разговоръ, въ которомъ семья передаетъ о своихъ занятіяхъ, вѣдѣлится своими нуждами, горемъ и радостію. Радостей въпрочемъ оу нихъ не много; больше приходится видѣть и выслушивать горя, и главное, всеобщее горе—это болѣзни, съѣдающія населеніе. Нѣтъ въ приходѣ здоровой семьи, это нѣтъ семьи, у гдѣ бы не было больного. За 2 первыхъ мѣсяца этого года родилось 11, умерло 16. Медицинская помощь малодоступна, да она и-безсилна при такой жизни, когда питаніе плохое, и идетъ для этого безъ рабара чуть не всякая гниль; одежда—часто

одни рублища, „латка на латкѣ“; обувь полагается не каждому; глиняныя стѣны жилья мокры и цвѣлы; тутъ-же въ хатѣ съ семьею помѣщаются телята, ягнята, поросята и птицы, нечистоты которыхъ впитываются въ глиняный полъ („доливку“), заражая воздухъ жилья и распространяя невыносимое и невыносимое зловоніе. Здѣсь же, впереди хаты, помѣщается скотской загонъ, представляющій кишашую клоаку, черезъ которую непременно долженъ перейти всякій, идущій изъ хаты на улицу или обратно. Словомъ бытовая и гигиеническая картина жизни населенія чрезвычайно скорбна, и, къ сожалѣнію, нѣтъ органа, вѣдающаго устройство жизни селянина, жизни такъ необходимой для жизни государства уже въ качествѣ платежной и военной силы. *Бѣдность, безпомощность и невѣжество*—вотъ чѣмъ страдаетъ деревня. Эти три причины нужно помнить какъ катихизисъ, каждому общественному дѣятелю. Лѣчимъ болѣзни, не трогая ихъ корней; тушимъ эпидемію, оставляя почву ея возрожденія; помогаемъ погорѣльцамъ создавать такой-же матеріалъ для новаго всеожженія; воиѣмъ противъ пьянства и насаждаемъ винныя лавки, запрещая закрывать ихъ. Дорогое толченіе воды.

Вотъ на этой-то почвѣ, при посѣщеніи прихожанъ въ каждой семьѣ, болѣе всего приходится давать указанія, наставленія и совѣты и, въ чемъ можно, оказывать помощь. На семейной почвѣ бесѣды бываютъ объ отношеніяхъ между членами: нѣтъ-ли разлада, вражды, обидъ. „Какъ ваша молодая невѣстка“, спрашиваю я въ одной семьѣ, „привыкла-ли, не обижаютъ-ли ее?“—Слава Богу! отвѣтилъ отецъ. Мы довольны: она старательная и послушная; когда нужно, спрашиваетъ, что дѣлать. Хотя у насъ четверо ребятъ, но споровъ не бываетъ; всѣ они—спасибо вамъ—выучены въ школѣ, всѣ пѣвцы, немного портняжатъ. Вечеромъ, какъ садутъ за работу, запоютъ „божественное“, и она съ ними участвуетъ. Такъ у насъ бываетъ такая радость въ домѣ, что дай Богъ всегда! Какую богатую картину благодатнаго мира и внутренняго счастья при убогой обстановкѣ рисуютъ эти краткія простыя слова семьянина! Вотъ и миссія церковной шко-

ды! подумаль я. Содѣйствовать миру и радости убожества— это-ли не высокая задача?! Вычеркнемъ изъ этой картины субъективный элементъ, т. е. личные качества невѣстки,— остальное не уменьшаетъ цѣны школьнаго дѣла.

Туть-же, по совершеніи молитвы въ домѣ, я совѣтуюсь съ влиятельными прихожанами о своихъ намѣреніяхъ и нуждахъ по церкви. Если предложить вопросъ сразу на сходѣ, то возникаетъ разногласіе; каждый тянетъ въ свою сторону, и приходится долго добиваться единства. А по предварительномъ обсужденіи съ отдѣльными лицами вопросъ на сходѣ исчерпывается въ двухъ-трехъ словахъ.

Также въ домахъ, вызвавъ отдѣльно или при семьѣ, смотря по роду дѣла, даются мною вразумленія тѣмъ лицамъ кои замѣчены мною въ чемъ либо предосудительномъ. Такъ, между прочимъ, въ приходѣ ежегодно наблюдается сильная смертность дѣтей слаборожденныхъ, а иногда и прямо мертворожденныхъ. Замѣтилъ я, что это происходитъ отъ небрежности матерей и невѣжества отцовъ, заставляющихъ женъ, не смотря ни на какое положеніе, исполнять тяжелыя работы, чуть не наравнѣ съ рабочимъ скотомъ. Лично я видѣлъ такіе примѣры, доказывающіе что мертворожденность здѣсь стоитъ въ прямой связи съ непосильными и несоотвѣствующими положенію работами матерей. Вижу однажды, что женщина, накопавъ въ огородѣ картофеля и наложивъ его на возъ, сама впряглась и тащить его. Утромъ мнѣ сообщили, что разрѣшилась мертворожденнымъ. Другая подавала съ земли тяжелые снопы, подымая ихъ на верхъ воза; та мыла зимою на льду бѣлье, принесенное на себѣ, и, потерявъ равновѣсіе, крѣпко упала. Послѣдствія и здѣсь были тѣ-же. Вообще насколько низко здѣсь смотрѣли на женщину, видно изъ того, что до моего вступленія на приходъ ихъ не удостоивали даже креста на могилѣ. Поэтому я поставилъ себѣ одною изъ задачъ выяснить, возвысить и облагородить въ глазахъ прихожанъ священное званіе и права матери,— какъ челоуѣка, а не какъ рабы или рабочей безличной единицы. Въ грубыя семьи необходимо было вселять смягчающее воздѣйствіе. А сколько было этой безпросвѣтной гру-

бости! Вотъ яркій образчикъ: У бѣдняковъ—родителей, жившихъ въ концѣ села, была молодая дочь—красивая, привѣтливая, жизнерадостная. Пришлось ей служить въ экономіи, гдѣ и была обольщена ловеласомъ—прикащикомъ. Предстояло стать матерью, и родители объ этомъ ничего не знали. При наступленіи родовъ она пошла въ экономическую кухню; но тамъ кухарка, сама заинтересованная тѣмъ-же прикащикомъ, вытолкала ее домой. Дома ее избилъ качалкою и выгнали обратно въ экономію. Но тутъ кухарка расправилась съ нею „рогачомъ“ и выгнала опять домой. Несчастливая, опозоренная, избитая и измученная едва прилѣзла въ свою хату, свалилась на доливку и тутъ-же родился ребенокъ. Прошло дня два. Ночью спѣшно прибѣжали за мною напутствовать. Прибылъ я—и сердце облилось кровью. Въ темной сырой хатѣ, на холодномъ земляномъ полу, прикрытая грязнымъ тряпьемъ, лежала не цвѣтущая Маруся, а посинѣвшая, опухшая; я ее не могъ узнать. Не теряя минуты, выславъ всѣхъ изъ хаты, я приступилъ къ напутствію. Трогательно было оно! Сколько задушевности и доброты было въ этомъ сердцѣ! Послѣ напутствія она выразила мнѣ свою и просьбу и завѣщаніе—никого не винить и не преслѣдовать за нее. Стать-ли было мнѣ упрекать или вразумлять родителей? Поздно и бесполезно! Тотчасъ я послалъ отца подводу за фельдшеромъ въ сосѣднее село за 5 верстъ, а самъ поспѣшилъ домой, откуда послалъ жену помочь, въ чемъ нужно, Маріи и, пока пріѣдетъ фельдшеръ оградить ее отъ медвѣжьихъ услугъ семьи. Фельдшеръ однако отказалъ, прибылъ на другой день и призналъ у нея сибирскую язву. Однако къ другому. Роковой конецъ наступилъ быстро... Отецъ пришелъ ко мнѣ съ вопросомъ: какъ я велю хоронить ее, такъ-ли какъ женщину, или какъ дѣвицу? Въ то время я не понималъ этого вопроса. Онъ мнѣ объяснилъ: хороня женщиною, нужно волоса спрятать, на голову надѣть „очипокъ“; а если дѣвушкою, то одѣть какъ къ вѣнцу, убрать голову лентами и цвѣтами. Такъ какъ мнѣ хотѣлось сильнѣе запечатлѣть этотъ случай въ населеніи, а для Господа уборъ не имѣетъ значенія, то велѣлъ убирать ее дѣвушкой. Эффектъ превзошелъ ожиданія. Когда я прибылъ

для погребенія, а предо мною въ гробу лежала прежняя симпатичная Маруся. Благодѣтельная смерть, пресѣкши мученія страдальцы, какъ-то ступовала болѣзненные черты и возвратила лицу миловидность и величавость. Роскошный волосы, распущенныя по плечамъ, игриво перевитыя лентами, вѣнокъ изъ цвѣтовъ на чель, гармонируя лицу, въ то-же время безмолвно, но чрезвычайно чувствительно, трогательно отъѣснили на вѣки сомкнутыя очи и угасшую жизнь, безвременно загубленную неразуміемъ и жестокостію...

Въ общемъ сочетаніи все это производило такое глубоко-трагическое впечатлѣніе, что изъ толпы собравшихся никто не могъ удержаться отъ рыданій. По пути слѣдованія по Гребальной процессіи присоединялись новыя толпы, увеличивая плачь. Да, Маруси было всёми жаль! Пусть же они эту жалость, милосердіе и благоразуміе проявляютъ своевременно въ семьяхъ и во взаимныхъ отношеніяхъ — вотъ что необходимо для нихъ! Схоронили Марію на вершинѣ кладбища и зеленый крестъ надъ нею поставили. И часто доселѣ подъ этимъ крестомъ плачетъ старая Елена по своей дочери рядомъ, съ которой вскорѣ былъ положенъ и ребенокъ невинная жертва власти тьмы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ виду предстоящаго съѣзда духовенства Полтавской епархіи.

Полтавская епархіа — одна изъ самыхъ богатыхъ епархіи разными общепархіальными учрежденіями — благотворительными, просвѣтительными и др. Въ ней прежде всего имѣется епархіальный церковно-свѣчной заводъ, затѣмъ эмеритальная касса духовенства, потомъ общество взаимнаго вспоможенія заштатному и сиротствующему духовенству, далѣе епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія, Св.-Владимірскій пріютъ, епархіальное Св.-Макарьевское Братство и наконецъ, вновь открытыя при Епархіальномъ женскомъ училищѣ попечительство объ училищномъ храмѣ и нуждающихся воспитанницахъ училища и такъ называемая „учительская комиссія“ о выдачѣ пособій

начальницѣ, класснымъ воспитательницамъ Епархіальнаго женскаго училища, учительницамъ Ладинскаго и Золотоношскаго духовныхъ училищъ и женскихъ церковно-приходскихъ школъ Полтавской епархіи“.

Такимъ образомъ, духовенству Полтавской епархіи, въ заботахъ о процвѣтаніи вышеназванныхъ учреждений, есть что думать и есть о чемъ судить-рядить, какъ предварительно у себя дома, такъ затѣмъ и въ Полтавѣ—на общепархіальныхъ сѣздахъ. А если взять во вниманіе, что въ послѣднее время въ Полтавской епархіи производились и довольно грандіозныя постройки на епархіальный счетъ, какъ напр. постройка новаго зданія для Епархіальнаго женскаго училища и пристройка къ этому зданію, а также пристройка къ семинарскому корпусу и наконецъ, предстоитъ почти пятисоттысячная постройка Епархіальнаго женскаго училища въ г. Лубнахъ, то духовенству Полтавской епархіи не только было что „думать“, но есть надъ чѣмъ и „задуматься“. Но оно не задумывается, а строить, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, да и только...

Чтобы обсужденіе на епархіальныхъ сѣздахъ разныхъ вопросовъ, касающихся названныхъ учреждений, было цѣлесообразно, для этого необходимо разрабатывать ихъ предварительно въ мѣстномъ епархіальномъ органѣ и разрабатывать не въ одномъ „направленіи“, а съ разныхъ точекъ зрѣнія. Для этого же нужно, чтобы духовенство было знакомо съ жизнью и дѣятельностью этихъ учреждений и интересовалось ими. Для такого знакомства прежде всего должны служить отчеты. Но, къ сожалѣнію, эти отчеты не всегда появляются въ печати, а когда появляются, то не всегда настолько обстоятельные, чтобы изъ нихъ можно было что-нибудь „заключить“...

Что же касается разныхъ построекъ да пристроекъ требующихъ сотысячныхъ затратъ, то тутъ, по пословицѣ „семь разъ отмѣрь—разъ отрѣжь“, особенно важно предварительно и при томъ хорошенько обсудить, что, гдѣ, какъ и для чего строить, или что, къ чему и для чего пристраивать.

Къ сожалѣнію, за истекшее трехлѣтіе, со времени послѣдняго епархіальнаго сѣзда, бывшаго въ 1902 году, мы почти не встрѣчаемъ въ мѣстной печати обсуждения какихъ-

либо вопросовъ общепархіальной важности. Правда, въ этотъ промежутокъ времени были напечатаны двѣ статьи по весьма важнымъ вопросамъ для Полтавской епархіи, да и тѣ появились не въ епархіальномъ органѣ, а въ „Полтавскомъ Вѣстникѣ“. Одна изъ нихъ и довольно обширная, за подписью „Одинъ изъ духовныхъ“, посвящена „вопросу о выборѣ въ г. Лубнахъ усадьбы для второго женскаго Епархіальнаго училища“ („Полт. Вѣстн.“ 1904 г., №№ 549, 550 и 556, а другая, за подписью просто „Духовный“, помѣщена въ отдѣлѣ „Изъ писемъ въ Редацію“ и разбираетъ „отчетъ о состояніи эмеритальной кассы духовенства Полтавской епархіи за 1902 годъ“ („Полтав. Вѣстн.“ 1903 г., № 296). Въ первой статьѣ доказывается неудобство усадьбы, выбранной для второго епархіальнаго женскаго училища „въ юго-западномъ углу усадьбы Лубенскаго духовнаго мужскаго училища (въ размѣрѣ 3—4 десятины)“. Статья заканчивается такимъ соображеніемъ: „Окружное духовенство поступило бы во всѣхъ отношеніяхъ лучше и выгоднѣе, если-бы уступило городу полосу усадьбы училищной для улицы, а себѣ для усадьбы Епархіальнаго женскаго училища взяло львиный кусокъ земли въ любомъ изъ участковъ, предложенныхъ городомъ, и всего лучше въ „Ботаническомъ саду“, прелесть котораго можетъ оцѣнить всякій, видѣвшій его“.

Такъ какъ статья эта появилась въ концѣ прошлаго года, когда вопросъ о выборѣ мѣста для второго Епархіальнаго женскаго училища былъ рѣшенъ окончательно, то она и не оказала никакого вліянія на его перерѣшеніе.

Что касается „Письма“ г. Духовнаго въ Редацію „Полтавскаго Вѣстника“, по поводу „отчета о состояніи эмеритальной кассы духовенства Полтавской епархіи за 1902 годъ“, то, въ виду оригинальности взгляда автора на кассу—съ одной стороны и важности затронутаго имъ вопроса—съ другой, считаемъ теперь своевременнымъ поговорить о немъ подробно.

Намъ необыкновенно пріятно видѣть, если какое-нибудь общественное дѣло привлекаетъ къ себѣ и общественное вниманіе или хотя и единоличное, но выраженное передъ цѣлымъ обществомъ. Вниманіе это особенно цѣнно тогда, когда оно исходитъ отъ лица и вполне безпристрастнаго, и хорошо знакомаго съ тѣмъ, чего оно касается.

г. Къ сожалѣнію, въ названномъ „Письмѣ“ г. Духовнаго мы не встрѣчаемъ ни того, ни другого. А что это дѣйствительно такъ, тому слѣдуютъ пункты (минимумъ оп-1-101) Г. Духовный свое „Письмо“ въ редакцію начинаетъ „страданіемъ“ его души и „недоумѣніемъ“ его ума: „Читаемъ (отчетъ) — пишетъ (онъ) — и вновь, какъ и прежде, душа страдаетъ и недоумѣваетъ умъ. Страдаетъ душа за бѣдныхъ и беспомощныхъ сиротъ,“ которымъ изъ всѣхъ силъ стараются помочь и въ то же время, какъ это ни непонятно, нисколько не помогаетъ. II.

Мы нарочно обращаемъ вниманіе на то, что г. Духовный, по его собственнымъ словамъ, страдаетъ уже „не въ первый разъ“ за бѣдныхъ беспомощныхъ сиротъ, слѣдовательно, онъ, такъ сказать, „опытный страдалецъ“. Тѣмъ интереснѣе прослѣдить, какъ глубоки и искренни его „страданія“.

2) Г. Духовный пишетъ: „Изъ даннаго отчета видно, что къ 1-му января 1902 года въ кассѣ оставалось 386.277 р. 59 коп., къ нимъ еще поступило въ 1902 году 47.238 р. 9 коп. Изъ такого солиднаго капитала выдано 357 пенсіонерамъ всего 3.135 руб. 82 коп. На жалованье служащимъ въ кассѣ и канцелярскія принадлежности израсходовано 1.839 руб. 79 коп. Пенсія выдавалась въ размѣрѣ отъ 30 руб. до 1 руб. 25 коп. (!). (оба восклицательныхъ знака принадлежатъ автору письма). За то къ 1-му января 1903 года въ кассѣ осталось 429.014 р. 13 коп. И такъ, капиталъ кассы съ каждымъ годомъ возрастаетъ, и это особенно приятно должно быть бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ. И хотя послѣднія до самой своей смерти будутъ получать пенсію въ размѣрѣ 1 руб. 25 коп., то они будутъ умирать съ утѣшительнымъ сознаніемъ, что черезъ 50 лѣтъ въ эмеритальной кассѣ накопится миллионъ. Для чего? Про то старшіе знаютъ, а намъ простымъ смертнымъ этого не понять“.

Громкое и завидное слово „милліонъ“!... А между тѣмъ г. Духовный, прежде чѣмъ произноситъ его, даже не полюбопытствовалъ взглянуть на примѣрное расчисленіе движущихъ суммъ кассы на 50 лѣтъ впередъ. „Милліонъ“ накопится въ эмеритальной кассѣ не „черезъ 50 лѣтъ“, а еще къ большому огорченію г. Духовнаго, — всего черезъ 28

лѣтъ со дня открытія кассы; черезъ 50 же лѣтъ, если все будетъ по прежнему „благополучно“, въ кассѣ составитъ полтора милліона слишкомъ. Г. Духовному ужасно не нравится, что „капиталь кассы съ каждымъ годомъ возрастаетъ“. И онъ спрашиваетъ: „для чего?“

А вотъ „для чего“, г. Духовный. По уставу, „эмеритальная касса составляетъ достояніе всего духовенства епархіи“, а такъ какъ въ ней участвуютъ своими взносами и церкви, то, вѣрнѣе, — она есть „достояніе всей епархіи“. Поэтому касса должна существовать, пока существуетъ и епархія, а не только пока существуемъ мы съ вами, г. Духовный. Для этого же нужно, чтобы капиталъ кассы съ каждымъ годомъ, именно, возрасталъ (до извѣтнаго предѣла), а не уменьшался. Не удивительно, поэтому, если когда-нибудь для Полтавской епархіи наступитъ такое „счастливое“ время, когда въ кассѣ накопится не *одинъ*, а даже полтора милліона слишкомъ. Тогда можно будетъ или прекратить взносы отъ церквей или увеличить размѣръ пенсій. Очевидно, г. Духовный въ данномъ случаѣ вполне солидаренъ съ Людовикомъ XV и маркизой Помподуръ, которые часто говорили: „Après nous — le déluge!“ (послѣ насъ — хоть потопъ!). Имъ послѣ нихъ въ злополучной Франціи дѣйствительно и былъ потопъ. Но правленіе эмеритальной кассы не желаетъ ей, послѣ себя, не только „потопа“, но даже и маленькаго „наводненія“.

3) Для насъ самое интересное, а для г. Духовнаго, должно быть, — и самое цѣнное то мѣсто его письма, гдѣ онъ говоритъ: „По нашему простому разсужденію выходитъ такъ: если обязательныхъ взносовъ получено въ кассѣ 31,400 рубл. (г. Духовный совсѣмъ упраздняетъ правленіе кассы и канцелярскіе расходы, а потому клировый взносъ 1,775 рубл. причисляетъ къ капиталу кассы), а пенсіонеровъ всѣхъ 357, то слѣдовательно, среднимъ числомъ на долю каждаго приходится 88 рубл. И если распредѣлить пособія сообразно разрядамъ и семейному положенію пенсіонеровъ, значитъ и послѣдняя несчастная сиротинка должна бы получить, во всякомъ случаѣ, не такую смѣшную пенсію, какъ 1 рубл. 25 коп.“

Что пенсія „смѣшная“, то это вѣрно; но что разсужденіе

г. Духовнаго, дѣйствительно, не только весьма „простое“, но и слишкомъ наивное, то это, какъ сей часъ увидимъ, тоже вѣрно. Жаль, что г. Духовный, какъ „опытный страдалецъ“ за бѣдныхъ беспомощныхъ сиротъ, опоздалъ своимъ „письмомъ“ въ редакцію на цѣлыхъ *пять* лѣтъ. Иначе, если-бы онъ обратилъ вниманіе на отчетъ кассы за 1897 годъ (*седьмой* съ открытія кассы) и разсуждалъ бы такъ точно, какъ теперь, то тогда, при суммѣ обязательныхъ взносовъ въ 30.342 руб. и при 56 пенсіонерахъ, на долю каждаго пришлось бы среднимъ числомъ не 88 руб. а даже 542 руб., т. е. цѣлое богатство! Такъ что еще на *седьмомъ* году существованія кассы и „последняя несчастная сиротинка“ получила бы въ *шесть* разъ больше того, сколько даетъ ей г. духовный на *дванадцатомъ* году...

Но продолжимъ „простое“ разсужденіе г. Духовнаго дальше, чтобы видѣть всю его *несообразность*... Итакъ, на *седьмомъ* году существованія кассы, при 30.342 руб. обязательныхъ взносовъ и 56 пенсіонерахъ, на долю каждаго приходится 542 р.; на *восьмомъ* году, при 30.639 р. обязательныхъ взносовъ и 104 пенсіонерахъ, на долю каждаго пришлось бы уже 295 руб.; на *девятомъ* году, при 30.965 руб. и 147 пенсіонерахъ, на долю каждаго пришлось бы всего 211 руб.; на *десятомъ*, при 31.184 руб. и 204 пенсіонерахъ, средняя пенсія была бы 153 руб.; на *одиннадцатомъ*, при 31.237 р. и 281 пенсіонерѣ—111 р.; на *дванадцатомъ* году, при 31.400 руб. и 357 пенсіонерахъ, какъ вычислилъ и г. Духовный, на долю каждаго пенсіонера приходится 88 руб.; на *тринадцатомъ* году, при 31.819 руб. обязательныхъ взносовъ и 547 пенсіонерахъ, на долю каждаго пришлось бы лишь около 58 руб.

Итакъ, средній размѣръ пенсіи, по „простому“ разсужденію г. Духовнаго, съ каждымъ годомъ долженъ уменьшаться. И понятно: сумма обязательныхъ взносовъ съ каждымъ годомъ хотя и увеличивается, но не такъ значительно, какъ число пенсіонеровъ. Такъ что, напр., на 25 году существованія каассы, когда пенсіонеровъ будетъ около 1300, а обязательныхъ взносовъ около 34.000 руб., на долю каждаго пенсіонера придется среднимъ числомъ всего около 26 руб. И какъ тогда будетъ благодарна г. Духовному та „сиротинка“, отецъ или мужъ которой участвовалъ въ кассѣ 25 лѣтъ и на долю которой придется всего 4

рубля, вмѣсто 11 руб. 25 коп., проектируемыхъ кассой! Далѣе, на 35 году существованія кассы всѣхъ пенсионеровъ предвидится свыше 2.000, а обязательныхъ взносовъ не болѣе 36.000 руб., такъ что на долю каждаго пенсионера придется всего около 18 руб.; тогда „послѣдней сиротинкѣ“, послѣ 35-лѣтняго участія въ кассѣ ея мужа или отца, г. Духовный можетъ удѣлить лишь 2 руб. 50 коп., между тѣмъ какъ эмеритальная касса къ тому времени припасетъ для нея 19 руб. 25 коп. Наконецъ, на какой гласъ запоютъ тогда общимъ хоромъ всѣ пенсионеры, когда г. Духовный, по своему „простому“ разсужденію, можетъ посулить имъ всего 36.000 руб., въ то время какъ касса свободно можетъ раздать имъ около 48.000 руб., т. е. на 12 тысячъ больше!... Однимъ словомъ, по „простому“ разсужденію г. Духовнаго, выходитъ шиворотъ-на-выворотъ: *чѣмъ дольше кто будетъ участвовать въ кассѣ, тѣмъ меньше получитъ пенсіи*. Такихъ результатовъ своего „открытія“, навѣрное, не подозрѣвалъ и самъ изобрѣтатель его, г. Духовный. Теперь мы вполне вѣримъ, что г. Духовный не только душевно „страдаетъ“, а умственно „недоумѣваетъ“, но и плохо „разумѣетъ“ то, о чемъ самъ говоритъ...

4) Далѣе г. Духовный пишетъ: „обиднѣе всего то, что взносы отъ церквей и причтовъ обязательные, а между тѣмъ учрежденіе носить названіе „эмеритальной кассы“. И затѣмъ прибавляетъ: „еслибы эти обязательные взносы направить хотя бы, напр., въ общество взаимнаго вспоможенія и раздѣлить между наличными бѣдными духовнаго званія, то затѣмъ намъ тогда эмеритальная касса“.

Какой обидчивый г. Духовный! Обижается — и сильно — даже на то, что учрежденіе „съ обязательными взносами“ носить названіе „эмеритальной кассы“. А какъ же, г. Духовный, называются такія точно учрежденія въ другихъ епархіяхъ и въ другихъ вѣдомствахъ — не „воздушными“ же? Наконецъ, если г. Духовный не вѣритъ ни другимъ епархіямъ, ни даже другимъ вѣдомствамъ, то пусть онъ прочитаетъ хотя-бы „Карманный словарь иностранныхъ словъ“ (изд. Югансона), гдѣ сказано: „Эмеритура, лат. — капиталъ, образуемый изъ отчисленій отъ ежемѣсячнаго жалованья служащихъ въ какомъ-либо учрежденіи, для выдачи пенсій прослужившимъ опредѣленный срокъ въ этомъ“

учрежденіи или ихъ вдовамъ и сиротамъ“. Такимъ образомъ, общепринятое понятіе объ „эмеритурѣ“ какъ разъ подходитъ къ „эмеритальной кассѣ“ духовенства Полтавской епархіи, — съ тою лишь разницей, что, за неимѣніемъ ежемѣсячнаго жалованья для духовенства, оно дѣлаетъ свои взносы въ кассу не помѣсячно, а разъ въ годъ. Что же тутъ „обиднѣе всего“ для г. Духовнаго? Онъ просто не любитъ „своей“ кассы и потому ея обязательные взносы готовъ „направить“ даже въ общество взаимнаго вспоможенія, лишь бы только не слышать ея имени. И тогда онъ, дѣйствительно, не слышалъ бы этого „ненавистнаго“ ему имени и даже рѣдко видѣлъ бы отчеты кассы, какъ рѣдко видитъ и отчеты рекомендуемаго имъ Общества взаимнаго вспоможенія.

5) Сбывая потомъ на обиліе въ епархіи „благотворительныхъ“ учрежденій, имѣющихъ цѣлью вспоможеніе бѣднымъ духовнаго званія“, г. Духовный перечисляетъ эти учрежденія, съ указаніемъ ежегоднаго ресурса каждаго изъ нихъ: „и эмеритальная касса, въ которую церкви и причты вносятъ ежегодно свыше 30 т. рублей, и Общество взаимнаго вспоможенія, получающее 11 тысячъ, и Епархіальное попечительство, получающее столько же, и Св.-Владимірскій пріютъ, получающій все отъ тѣхъ же причтовъ около 3¹/₂ тысячъ. Итого до 60000 р. духовенство епархіи вноситъ ежегодно на содержаніе заштатныхъ и сиротъ своего вѣдомства, среднимъ числомъ по 150 руб. на душу. А послѣ всего этого какая-нибудь вдова псаломщика, получающая *изъ сего избытка* (курсивъ нашъ) 1 рубл. 25 коп. въ годъ, питается Христовымъ именемъ, побираясь по соседнимъ знакомымъ батюшкамъ“.

Замѣчательно неожиданный, хотя и лестный для кассы выводъ!... По г. Духовному выходитъ, что изъ всѣхъ перечисленныхъ имъ благотворительныхъ учрежденій епархіи *только* эмеритальная касса хоть что-нибудь удѣляетъ „вдовѣ псаломщицѣ“ (хватить, по крайней мѣрѣ, на палку, чтобъ отгоняться отъ собакъ знакомыхъ батюшекъ), а остальные *ровно ничего*. Тѣмъ больше чести эмеритальной кассѣ!!!.

Возражать г. Духовному отъ имени „остальныхъ“ учреждений мы не будемъ, такъ какъ они сами лучше всего могли бы это сдѣлать, — тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ и достаточнаго для того основанія... Во всякомъ случаѣ странно со

стороны г. Духовнаго — пристегнуть къ 30 тысячамъ эмеритальной кассы, чужихъ и 30 тысячъ и затѣмъ утверждать, что изъ „сега избытка“ вдова-псаломщица получаетъ всего 1 руб. 25 коп. въ годъ. Какъ это г. Духовный не пристегнулъ сюда епархіальный церковно-свѣчной заводъ и не свелъ еще больший „избытокъ“ опять-таки къ 1 руб. 25 коп.?! Тогда эмеритальной кассѣ было бы еще больше чести.

Въ этомъ пунктѣ интересно обратить вниманіе на нѣкоторыя цифровыя данныя г. Духовнаго и его вычисленія. По его словамъ, напр., Св.-Владимірскій приютъ получаетъ отъ причтовъ ежегодно *около 3¹/₂ тысячъ*, между тѣмъ какъ, по наведеннымъ нами справкамъ за 6 лѣтъ, въ приютъ не поступало больше 2430 руб. в 90 коп. въ годъ, такъ что до того „около“ о которомъ говоритъ г. Духовный, недостаетъ *тысячи осликомъ рублей*, — такое „округленіе“ со стороны г. Духовнаго довольно смѣлое. Но особеннаго вниманія здѣсь заслуживаетъ то, что по его „простому“ разсужденію, изъ 60.000 руб., которые „духовенство епархіи вносятъ ежегодно на содержаніе заштатныхъ и сиротъ своего вѣдомства, приходится, среднимъ числомъ, по 150 руб. *на душу*“. Что-то совсѣмъ не вѣроятное! Даже и г. свѣтскимъ извѣстно, что между сиротствующими семействами духовенства Полтавской епархіи есть не мало такихъ, которыя состоятъ изъ 5—6 человекъ, — и вотъ г. Духовный сулитъ такимъ семействамъ по 750—900 руб. въ годъ! Вотъ до какихъ результатовъ „довело“ г. Духовнаго его „слишкомъ уже „простое“ разсужденіе и слишкомъ „свободное“ обращеніе съ первыми четырьмя дѣйствіями ариметики.

И г. Духовный поступилъ дѣйствительно *просто*, взявъ изъ разсматриваемаго имъ отчета эмеритальной кассы 357 пенсіонеровъ, для удобства дѣленія, округливъ это число въ 400, раздѣливъ на него 60 тысячъ и, получивъ въ результатъ 150 руб., приписалъ къ результату „на душу“. Но г. Духовный 1) забылъ, что въ отчетѣ кассы подъ „357“ разумѣется не число „душъ“, а число „пенсіонеровъ“ (семействъ) и 2) онъ, очевидно, совсѣмъ не знаетъ того, что касса здѣсь не разумѣетъ тѣхъ заштатныхъ и сиротствующихъ, которые вышли за штатъ или осиротѣли до открытія кассы, какъ и тѣхъ участниковъ, которые состояли въ кассѣ меньше пяти лѣтъ. Г. Духовный, очевидно, не знаетъ и

того, что еще въ 1880 году въ епархіи было заштатныхъ и сиротствующихъ 1479 семействъ, а въ 1890 году—1508 *семействъ*, а не *душъ*. Не меньше ихъ должно быть и теперь. Такъ что 60 т. рублей нужно дѣлить не на 400, а minimum на 1500 и въ среднемъ получится не 150 руб. „на душу“, а maximum 40 руб. „на семейство“.

6) „Гвоздь“ письма г. Духовнаго заключается едва ли не въ слѣдующихъ строкахъ: „Если приходское духовенство обязано ежегодно вносить 60 тысячъ на бѣдныхъ своей епархіи, то зачѣмъ, спрашивается, намъ эмеритальная касса съ ея операціями, процентными бумагами, *возрастаніемъ капитала* (курсивъ нашъ), членами и служащими, получающими 1700 руб. жалованья и съ ея мизерными пенсіями? Въдь касса и въ будущемъ не обѣщаетъ облегченія участи бѣдныхъ вдовъ и сиротъ. Если черезъ 50 лѣтъ будутъ пенсіонеры (по всей вѣроятности и безъ того обезпеченные), получающіе 400 руб. пенсіи, то послѣдняя бѣднота изъ псаломщицкаго званія и тогда все-таки будетъ получать отъ 1 руб. 25 коп. до 80 руб.“

Зачѣмъ „намъ“ эмеритальная касса и какое она имѣетъ преимущество передъ тѣмъ „способомъ“ вспоможенія, какой предлагаетъ г. Духовный,—достаточно выяснено въ предыдущихъ пунктахъ. Можно догадываться, что г. Духовному не столько не правится сама „касса, съ ея операціями, процентными бумагами и возрастаніемъ капитала“, сколько то, что члены правленія кассы и служащіе въ ней получаютъ 1.700 руб. жалованья. Что дѣлать! Первые почти *три* года наличный составъ правленія кассы *ничего* не получалъ, не смотря на нелегкую работу по организаціи столь „капитального“ дѣла. Но IX епархіальный съѣздъ (1893 г.) призналъ „справедливымъ“ назначить членамъ правленія и вознагражденіе за ихъ трудъ.

Что же касается предсказанія г. Духовнаго, что „касса и въ будущемъ не обѣщаетъ облегченія участи бѣдныхъ вдовъ и сиротъ“, то, какъ видно изъ всего вышесказаннаго, г. Духовный, собравши въ одно мѣсто всѣ 60 тысячъ, въ будущемъ не можетъ „посулить“ и того, что обѣщаетъ касса. Правда, многое будетъ зависѣть и отъ самихъ участниковъ кассы, отъ ихъ сознанія всей неприглядности „чернаго дня“ и, въ связи съ этимъ,—отъ выбора большаго или меньшаго размѣра взноса. Если теперь „послѣдняя бѣд-

нота изъ псаломщицкаго званія“ получаетъ 1 руб. 25 коп. въ годъ, то это потому, что ея отецъ или мужъ участвовалъ въ кассѣ лишь *пять* лѣтъ и вносилъ въ кассу всего *два* рубля въ годъ. Г. Духовный, какъ вообще мало знакомый съ уставомъ кассы, „1 руб. 25 коп. пенсіи“ считаетъ, почему-то, принадлежностью непременно „псаломщицкаго званія“. По уставу кассы, тотъ или другой разрядъ взноса не зависитъ отъ „званія“, такъ что псаломщикъ можетъ выбрать высшій разрядъ взноса, а протоіерей—низшій. И дѣйствительно, въ 14-лѣтней жизни кассы есть не мало такихъ примѣровъ, что не только обыкновенные священники, но даже о.о. благочинные и о.о. протоіереи вносятъ въ кассу 2 руб., а ихъ псаломщики—10 руб. И изъ разсматриваемаго отчета г. Духовный могъ бы усмотрѣть, что вдова протоіерея получаетъ 1 руб. 25 коп. пенсіи, а рядомъ съ ней псаломщики, ихъ вдовы и сироты получаютъ 18 и даже 30 руб.; все зависитъ, повторяемъ, отъ размѣра взноса и продолжительности участія въ кассѣ, но не отъ званія.

Мы, конечно, не защищаемъ „смѣтной“ пенсіи, но скажемъ, что въ 14-лѣтней жизни эмеритальной кассы не было еще ни одного случая, чтобы священникъ или даже протоіерей „пренебрегалъ“ такой пенсіей или хотя бы на время „забывалъ“ про нее... Наконецъ, у насъ на глазахъ свѣжіе примѣры того, какъ люди, съ тысячнымъ жалованьемъ (да еще на 25 году службы), при полученіи пособія къ Новому году или къ Пасхѣ въ 40 руб. и даже въ 15—20 руб., бываютъ и весьма рады этому пособию, какъ маннѣ небесной, и слишкомъ благодарны за него начальству. Не думаемъ послѣ этого, чтобы для псаломщика и особенно „вдовы псаломщицы“ даже и ничтожная пенсія казалась такою „смѣшною“, какъ это воображаетъ г. Духовный. А что вообще число пенсіонеровъ, получающихъ 1 руб. 25 коп. пенсіи съ каждымъ годомъ будетъ уменьшаться, видно изъ того, что число минимальныхъ взносовъ (въ 2 руб.) съ каждымъ годомъ уменьшается, а число максимальныхъ (въ 10 руб.) увеличивается. Правда, иному псаломщику, можетъ быть, и тяжело вносить въ кассу по 10 руб. въ годъ, но 1) онъ долженъ твердо помнить, что этимъ онъ облегчаетъ себя и свою семью въ будущемъ, и 2) не долженъ увлекаться ошибочными, хотя и „простыми“ до наивности, разсужденіями г. Духовнаго. А что г. Духовный, поднимая

столь важный вопросъ, предварительно не познакомился съ нимъ, видно еще и изъ того, что онъ и до сихъ поръ считаетъ максимальную пенсію за 50 лѣтъ въ 400 руб., а минимальную въ 80 руб. Нѣтъ, г. Духовный, еще X епархіальный съѣздъ (1896 года) понизилъ размѣръ пенсіи на 10⁰/₀, благодаря пониженію доходности процентныхъ бумагъ и конверсіи ихъ, такъ что высшій размѣръ пенсіи не 400 руб., а 350 и низшій не 80 руб., а 70. Жаль, что г. Духовный не зналъ этого обстоятельства, иначе онъ воспользовался бы и имъ, чтобы еще больше „доказать“ необходимость кассы. Если же г. Духовный не зналъ этого, то онъ не знаетъ и того, что правленіе кассы, во избѣжаніе пониженія размѣра пенсіи, обращалось въ тотъ же X епархіальный съѣздъ съ докладомъ объ изысканіи дополнительнаго ресурса въ пользу кассы, отъ 6 до 7 тысячъ въ годъ; при этомъ указывался и самый подходящий для этого источникъ—епархіальный церковно-свѣчной заводъ. Однако съѣздъ, „не найдя“ требуемаго ресурса, предпочелъ понизить размѣръ пенсіи на 10⁰/₀.

Да, г. Духовный, наша душа, хотя и свѣтская, страдаетъ не меньше вашей за ту „вдову псаломщицу“, которая, получая *только* изъ одной эмеритальной кассы 1 руб. 25 коп. въ годъ, „питается Христовымъ именемъ“, побираясь по сосѣднимъ знакомымъ батюшкамъ“. Мы даже живо представляемъ себѣ эту бѣдную вдову, всю въ лохмотьяхъ, ея изможденное лицо и, какъ единственное ея достояніе, ту палку, на которую опирается она, переходя отъ одного „знакомаго батюшки“ къ другому. А послѣ письма г. Духовнаго мы видимъ и ея горючія слезы по случаю того, что онъ, какъ „опытный страдалецъ“ за бѣдныхъ беспомощныхъ сиротъ, сулитъ ей 150 руб. въ годъ, а эмеритальная касса, вмѣсто этого, даетъ ей всего 1 руб. 25 коп. Съ другой стороны, мы ясно сознаемъ и то, что такія „письма“, какъ письмо г. Духовнаго, не помогутъ дѣлу. Для этого нужно предварительно больше подумать, лучше познакомиться съ дѣломъ, углубиться въ него и потомъ уже писать. Нѣкоторые довольно авторитетные отцы духовные говорили намъ, что „письмо“ г. Духовнаго, само по себѣ не важное, можетъ дать „толчекъ“ тѣмъ, кто дѣйствительно принимаетъ близко къ сердцу слезы вдовъ и сиротъ духовенства Полтавской епархіи. Но и для „толчка“ нуженъ голосъ безпри-

страстный и правдивый, знакомый съ дѣломъ и проникнутый любовью къ ближнимъ, а не только ненавистью къ самому имени „эмеритальной кассы“. Раздайся такой голосъ— и мы увѣрены, что правленіе кассы вземлетъ ему всѣми *шестью* ушами (не считая канцелярскихъ)!...

Изъ всего вышесказаннаго можно заключить, какъ *плохо* и даже *совсѣмъ превратно* г. Духовный понимаетъ свои *духовныя* дѣла. Что же тогда сказать о г.г. свѣтскихъ— особенно послѣ настоящаго его „письма“!...

Однако, не смотря на это, г. Духовный находитъ себѣ и „подражателей“. По крайней мѣрѣ, намъ приходилось слышать наивные, хотя, правда, отдѣльные голоса, почему бы кассѣ не дѣлать такъ: сколько соберется денегъ въ кассѣ за годъ, всѣ ихъ и раздать.

Приходилось также слышать самыя разнообразныя мнѣнія и относительно увеличенія доходности капитала кассы. Однѣ рекомендуютъ кассѣ покупать дома, другіе, находя этотъ источникъ не совсѣмъ надежнымъ, совѣтуютъ приобрѣтать имѣнія, такъ какъ земля, дескать, ни въ водѣ не тонетъ, ни въ огнѣ не горитъ, а третьи не прочь даже кассовыя деньги давать на проценты подъ разныя закладныя. Какое изъ этихъ мнѣній наилучшее—судить не беремся. Замѣтимъ только, что даже и „земля“—этотъ, по видимому, самый вѣрный и доходный источникъ для увеличенія капитала кассы—на дѣлѣ можетъ оказаться далеко невѣрнымъ. Земельные банки, можно сказать, зубы проѣли на землѣ, а между тѣмъ не дальше, какъ въ Полтавской губерніи, бывали такіе случаи: закладывается банку, положимъ, 200 десятинъ земли, а въ натурѣ ея оказывается лишь 170 десятинъ. Гдѣ дѣвались остальные 30 десятинъ—въ водѣ ли утонули или въ огнѣ сгорѣли—не извѣстно, но только послѣ нихъ и пепла не осталось. На сколько выгодны были бы для кассы столь широкія ея операціи не знаемъ, но что, при случаѣ, онѣ могутъ быть „соблазнительны“ для завѣдующихъ ею, то это вѣрно...

Въ заключеніе, остается еще замѣтить, что правленіе кассы и въ настоящее время всячески заботится въ предѣлахъ, конечно, возможнаго и законнаго, объ увеличеніи доходности кассы. Такъ, оно старается 1) своевременно обмѣнивать деньги на процентныя бумаги и 2) приобрѣтать

наибольше выгодныя изъ нихъ. Поэтому, когда въ текущемъ году вышла 4¹/₂% Россійскій заемъ, касса не замедлила приобрести бумагу этого займа на 10.186 р., а въ слѣдъ за нимъ появился 5% внутренній заемъ — и касса подписалась на этотъ заемъ въ суммѣ 18.000 руб.

Если этого недостаточно, тогда нужно придумать что-нибудь другое, но во всякомъ случаѣ, — не менѣе надежное...

З. П. Ольскій.

Наша рознь.

Не рѣдко приходится читать въ повременной духовной печати по вопросу о взаимообщеніи въ средѣ духовенства — о необходимости и пользѣ болѣе близкаго духовнаго общенія между пастырями православной русской церкви, при чемъ особенно высказываются пожеланія имѣть такое общеніе сельскимъ священникамъ. Не мало написано на эту тему статей довольно сильныхъ по убѣдительности и интересныхъ по содержанію. Думалось, читая иногда подобныя статьи: отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, пастырямъ церкви для блага общаго, пастырскаго — не сплотиться тѣснѣе между собою: въ цѣляхъ духовнаго объединенія и взаимнаго духовно-нравственнаго общенія въ такомъ важномъ и трудномъ дѣлѣ, какъ дѣятельность приходскаго священника? Но какъ отъ слова до дѣла часто бываетъ очень далеко, такъ тоже слѣдуетъ замѣтить и о современной жизнедеятельности приходскихъ пастырей.

Большинство сельскихъ священниковъ живетъ у насъ замкнутою, уединенною жизнію въ отношеніи своихъ братьевъ сосѣдей. Собранія духовенства въ интересахъ даже служебныхъ — явленіе у насъ очень рѣдкое. Правда, бываютъ время отъ времени собранія по благочинническимъ округамъ, когда духовенство того или другого района, по приглашенію мѣстнаго благочиннаго, собирается въ извѣстный пунктъ для выбора депутата или духовника, или членовъ благочинническаго совѣта; — это, болѣею частію, главные мотивы собранія окружнаго духовенства, и иныхъ предметовъ на такихъ собраніяхъ разсматривается мало. Собравшись на самое короткое время, подъ настойчивымъ

руководствомъ и рѣшающимъ голосомъ мѣстнаго благочиннаго, члены собранія спѣшать лишь исполнить то дѣло, для котораго вызваны, т. е., строго говоря, исполняютъ только одну официальность, форму, безъ живой бесѣды и общенія; ни братскихъ обсужденій, ни обмѣна мыслями и познаніями по тому или другому вопросу служебно-практическаго свойства, ничего подобнаго на такихъ сѣздахъ небываетъ. Такимъ образомъ благочинническія собранія, можно сказать, носятъ характеръ преимущественно официальный, должностной. Впрочемъ, надо оговориться что бываютъ и такія благочинническія собранія, на которыхъ собравшіеся становятся какъ бы одною духовною семьею, полною взаимной сердечности и довѣрія, одушевленною идеями высокаго пастырскаго служенія, искреннимъ желаніемъ вседушевно поработать на нивѣ Божіей; но, къ сожалѣнію, такія собранія составляютъ рѣдкость. Кромѣ того, въ мѣстностяхъ, раскинутыхъ на далекое пространство, каковыхъ въ епархіи не мало, собираться окружному духовенству на благочинническіе сѣзды бываетъ очень трудно, за неимѣніемъ потребныхъ для того средствъ и неудобствомъ для прихода отъ продолжительной отлучки священника. Въ такихъ случаяхъ, нерѣдко вмѣсто собраній духовенства благочинныя ограничиваются письменными отзывами. Такъ въ большинствѣ случаевъ у насъ обстоитъ дѣло на благочинническихъ сѣздахъ. Понятно, что желательнаго общенія и единенія для духовенства не можетъ быть отъ благочинническихъ сѣздовъ и собраній въ настоящемъ ихъ видѣ.

Тѣмъ болѣе напрасно ожидать должнаго взаимообщенія духовенства отъ общепархіальныхъ сѣздовъ, такъ какъ на такихъ сѣздахъ собираются люди рѣдко и въ ограниченномъ количествѣ.

Затѣмъ, въ жизни духовенства есть общіе связующіе центры—это отцы благочинные, которые, независимо отъ постоянной служебной переписки съ духовенствомъ, ежегодно по дважды посѣщаютъ подвѣдомственные имъ церкви и духовенство. Но и здѣсь отношенія большей части о. о. благочинныхъ къ своимъ собратіямъ сводятся болѣе всего на официальную сторону дѣла. Нѣкоторые благочинные стараются при всѣхъ случаяхъ по отправленію своихъ обязанностей такъ или иначе выражать свой авторитетъ, какъ начальства и власти, и порой этотъ авторитетъ очень бы-

ваетъ тяжелъ для духовенства, ибо тѣ же собратья, а избражаютъ собою, можно сказать, какихъ-то важныхъ чиновниковъ въ рясахъ. Вообще не будетъ преувеличеніемъ, если скажу, что многіе изъ о. о. благочинныхъ, заразившись начальственнымъ духомъ, относятся къ подвѣдомственному духовенству безъ сердечнаго товарищескаго участія, то крайне высокомерно, то жестоко и холодно, особенно къ слабому, или оклеветанному, или убитому горемъ и нуждой. Такое холодное, формальное отношеніе къ духовенству со стороны о. о. благочинныхъ поселяетъ въ духовной средѣ взаимное недобвѣріе, отчужденность и рознь, а иногда недобвольство и озлобленіе.

Между тѣмъ, сердечный, отзывчивый на нужды своихъ подчиненныхъ начальникъ, хотя бы и въ лицѣ благочиннаго, сколько свѣта и добра могъ бы внести въ тяжелую жизнь нашего брата, сельскаго іерея, особенно въ темныхъ захолустяхъ епархіи. Какъ у него наболѣло сердце, какъ онъ желалъ бы по душѣ поговорить и побесѣдовать о своихъ нуждахъ и печаляхъ съ собратомъ своимъ, умудреннымъ опытомъ жизни и службы, какимъ представляется по идеѣ о. благочинный. А поговорить было бы о чемъ: и дѣло проповѣди, и дѣло школьное, нужды храма и прихожанъ, нужды личные, семейныя и проч. и проч. О всемъ этомъ хотѣлось бы повѣдать о. благочинному, поговорить, посоветоваться по братски. Но увы! Ожиданія и пожеланія тщетны: о. благочинному якобы некогда, вѣдь онъ дѣловой человѣкъ, онъ спѣшитъ и спѣшитъ изъ прихода въ приходъ, поскорѣе къ дому...

Теперь посмотримъ на отношенія сосѣдскія сельскихъ пастырей.—Священникъ въ приходѣ въ большинствѣ случаевъ единственная интеллигентная сила. Впрочемъ, нужно отнести сюда еще и учителя или учительницу мѣстной школы и училища. И мы видимъ, что большую нравственную и духовную поддержку оказываютъ о. о. завѣдывающіе учительницамъ, особенно молодымъ, слабымъ и неопытнымъ. Отрадное это явленіе, хотя, къ сожалѣнію, далеко не повсемѣстное. Но приходскій пастырь самъ человѣкъ; у него масса всякаго приходскаго дѣла—и по приходу, и есть еще хозяйство. И все это въ глуши, среди грубой, невѣжественной среды, безъ живого интеллигентнаго общенія. Правда, есть семья у него; есть надежная

сила въ подругѣ жизни, здѣсь онъ можетъ по человѣчески поговорить и душевно успокоиться. Но необходимо замѣтить, что это еще не общій удѣлъ всѣхъ, да и не въ этомъ дѣло.

А что сказать о священникахъ молодыхъ, энергичныхъ, идейныхъ, полныхъ всякихъ добрыхъ порывовъ. Естественно, что живымъ людямъ нужны живые собесѣдники, сослуживцы, товарищи въ трудѣ. Такимъ образомъ сельскій священникъ прежде всего нуждается въ товариществѣ по служенію, въ общеніи и единеніи, которое можетъ доставить доброе, разумное товарищество. Общій характеръ дѣятельности, одни и тѣ же интересы, высокія цѣли и задачи пастырскаго служенія—вотъ главныя условія близкаго, сердечнаго пастырскаго общенія. Какую великую пользу получило бы общее дѣло пастырскаго служенія, если бы священники всегда жили между собою въ тѣсной дружбѣ, въ чувствахъ взаимнаго довѣрія и единенія, дѣлясь другъ съ другомъ познаніями, опытомъ, взглядами.

Но дѣйствительность показываетъ совсѣмъ другое. Не говорю о приходсахъ, отстоящихъ на далекія разстоянія одинъ отъ другого, такъ какъ въ данномъ случаѣ волей—неволей приходится обречь себя на одиночество. Нѣтъ, я говорю о священникахъ, которые живутъ, сравнительно, не на далекихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Оказывается, что представители мира и любви евангельской, іереи Божіи, живутъ между собою едва ли не въ полномъ отчужденіи и незнакомствѣ, а иные даже и прямо во враждѣ, или глухомъ взаимномъ недовольствѣ. Послѣднее явленіе чаще наблюдается въ приходсахъ двухъ-клирныхъ. При болѣе или менѣе внимательной вдумчивости въ отношенія пастырей—сосѣдей или сослуживцевъ замѣчается какое то недовѣріе другъ къ другу, подозрительная наблюдательность, стараніе стѣснить и подставить ногу сослуживцу и т. д.

Недостатокъ же любви и единодушія у приходскихъ пастырей и отчужденность въ отношеніяхъ очень вредно отзывается на приходскомъ служеніи священника. Безъ взаимной, дружественной нравственной поддержки, оставленный въ одиночествѣ, подвигающійся добрымъ подвигомъ пастырь постепенно слабѣетъ въ своихъ духовныхъ силахъ, мельчаетъ отъ постоянной пошлости жизни и приходскаго невѣжества, постепенно оскудѣваетъ идейно и духовно за-

сыпаетъ. Яркую иллюстрацію такого печального вывода изъ наблюденія надъ жизнью духовенства представляетъ статья, подъ заглавіемъ „Первые шаги“, не очень давно помѣщенная на страницахъ „Церковнаго Вѣстника“. Въ ней изображенъ молодой энергичный священникъ, поступившій на приходъ вскорѣ по скончаніи курса семинаріи, полный высокихъ идей и благихъ пожеланій послужить и поработать для духовнаго просвѣщенія народа. Но онъ былъ одинъ, безъ братской поддержки и сердечнаго участія ни со стороны сослуживцевъ—сосѣдей, ни со стороны ближайшаго своего руководителя, о. благочиннаго; и отъ того, въ концѣ концовъ, суровая проза жизни постепенно стала преклонять его долу и ослаблять духовно этого борца за идею.

Читая вопросы и отвѣты въ области церковно-приходской практики, печатаемые въ нѣкоторыхъ органахъ духовной печати, иногда невольно удивляешься крайней неосновательности и шаблонной безпечности въ своемъ дѣлѣ о. о. спрашивающихъ. Такъ, напримѣръ, былъ предложенъ редакціи „Церковнаго Вѣстника“ такой вопросъ: кто обязанъ исполнять церковные звоны и благовѣсты, сторожа или псаломщики? Ясное дѣло, что вопрошающій молодой іерей, по всей вѣроятности, изъ окончившихъ семинарію, на практикѣ встрѣтилъ недоразумѣніе и спрашиваетъ редакцію, ибо спросить у сосѣдей-іереевъ не желаетъ. Эти и подобные факты свидѣлствуютъ лишь о той розни и отчужденности, которая такъ сильна еще среди духовенства. Какъ видно, у насъ каждый желаетъ знать только самъ себя, или же вѣрнѣе, самомнѣніе не даетъ намъ возможности приобрѣтать и развивать себя полезными свѣдѣніями и опытомъ. Молодые іереи, вчера только оставшіе школьную скамью, мнятъ себя куда развитѣе и умнѣе своихъ собратьевъ, уже послужившихъ и якобы отставшихъ отъ времени. Обратиться за совѣтомъ къ болѣе пожилому сослуживцу для молодого іерея, по меньшей мѣрѣ, не желательно, если только не низко и не въ ущербъ для его амбиціи, хотя нерѣдко случается, что тотъ же образованный молодой іерей не считаетъ низкимъ обратиться за служебными справками къ своему псаломщику, едва постигшему премудрость псаломщической школы, такъ или иначе поучается отъ него опыту... Пожилые іереи и тѣмъ болѣе высокопочтенные изъ нихъ старцы, съ своей стороны, не желаютъ навязыв-

ваться на знакомство. Отсюда естественно, происходит разнь и отчужденіе въ духовной нашей средѣ, между пастырями церкви Божіей, этими представителями мира и любви христіанской.

Итакъ, мы живемъ нравственно—далеко другъ отъ друга, почти не зная одинъ другого, будучи сосѣдами по мѣсту служенія, но безъ единенія и всякаго общенія. Всѣ мы, или большинство изъ насъ, почему-то считаемъ себя людьми настолько просвѣщенными и опытными, что въ помощи другихъ какъ будто не нуждаемся. Это насъ успокаиваетъ и мы, такъ сказать, запираемся каждый въ свою скорлупу, мирно и тихо почивая на своихъ постахъ. Между тѣмъ что же происходитъ въ приходской внутренней жизни?—Мало зная свой приходъ и не стараясь о надлежащемъ знакомствѣ съ паствою, мы не замѣчаемъ, какъ расколъ и сектанство постепенно прокладываютъ себѣ удобные пути въ фактахъ сначала индифферентизма въ дѣлахъ вѣры и церкви, а затѣмъ и въ формѣ совершеннаго отпаденія отъ церкви. Не зная жизни прихода, мы не видимъ, въ чемъ дѣйствительно нуждаются наши прихожане, или и знаемъ, но не умѣемъ придти къ нимъ на помощь, не входимъ въ ихъ положеніе, и, главное, нѣтъ у насъ разумной сердечности въ отношеніяхъ съ ними. Отсюда недостатокъ нашего нравственнаго авторитета и нашего духовнаго вліянія на народъ. Дѣло живой проповѣди и истиннаго просвѣщенія паствы для многихъ изъ насъ „не легкое“ бремя. Не отъ того ли свѣтская печать такъ обвиняетъ духовенство въ косности, рутинѣ, отсталости и даже болѣе: нѣкоторые современные писатели говорятъ, что мы и проповѣдуемъ и служимъ лишь только по обязанности, безъ сердечнаго, любовнаго отношенія къ дѣлу, ибо нѣтъ, яко-бы, въ насъ ни вѣры крѣпкой, ни проповѣди живой, ни слова сильнаго, которыя бы могли дѣйствительно жечь сердца людей...

Трудное время нынѣ. Не настала ли пора особеннаго духовнаго подъема, и для этого тѣснѣе сплотиться и объединиться между собою, въ многотрудномъ дѣлѣ на нивѣ пастырской? Враги православной вѣры и церкви не дремлютъ. Во всякомъ дѣлѣ нужна инициатива и живая сила, въ служеніи пастырскомъ въ особенности. Ближайшіе начальники, въ лицѣ благочинныхъ и наблюдателей, должны прежде всего взять на себя починъ въ этомъ важномъ дѣлѣ.

Для этого желательно, чтобы эти ближайшія власти были для подчиненнаго имъ духовенства не только олицетвореніемъ закона и начальства, но прежде всего людьми сердца, какъ бы старшими братьями въ общей духовной семьѣ, искренно расположенными къ своему духовенству во всякое время, постоянно заботящимся о благѣ и нуждахъ своихъ подчиненныхъ. Говоря это, я прежде всего имѣю въ виду о. о. благочинныхъ, которые, при сердечной отзывчивости на нужды подвѣдомственнаго духовенства, всегда нравственно обязаны постоять за честь и интересы его, а не то чтобы „страха ради іудейска“ суетливо носиться по приходамъ благочинія и лавировать между „Сциллой и Харибдой“, оберегая только собственную безопасность...

И если бы о. о. благочинные первые показали примѣръ участливаго, сердечнаго отношенія и искренно довѣрчиво отнеслись къ духовенству, послѣднее не заставило бы ждать себя и дружно откликнулось бы на искренній призывъ начальства, и тогда можно бы было ожидать, что со временемъ во взаимныхъ отношеніяхъ духовнаго сословія стала бы устраняться рознь и отчужденность, уступая мѣсто сердечному единенію, довѣрію и всякому доброму общенію во имя высокихъ идей пастырскихъ. (Арх. Еп. Вѣд.).

Сельскій священникъ.

Важный пробѣлъ.

Съ общимъ усложненіемъ народной жизни, положеніе духовенства среди другихъ классовъ общества съ каждымъ годомъ становится все труднѣе и отвѣтственнѣе. Масса «вопросовъ», предъявляемыхъ Церкви, требуетъ отъ духовенства широкаго и всесторонняго образованія. Теперь далеко недостаточно тѣхъ средствъ, какими располагаемъ мы—священнослужители для надлежащаго религіозно-просвѣтительнаго воздѣйствія на общество и для успѣшной борьбы съ современнымъ противохристіанскимъ и противоцерковнымъ духомъ времени. Однимъ изъ важныхъ пробѣловъ въ этомъ отношеніи является отсутствіе среди насъ организованной сплоченности. А между тѣмъ въ области епархіальнаго управленія въ настоящее время есть такія формы, которыя,

при дружномъ единеніи членовъ духовенства, могли-бы быть прекрасно использованы въ отношеніи указаннаго выше пробѣла. Имѣемъ въ виду епархіальные и окружно-училищныя сѣзды духовенства, которые, къ сожалѣнію, не выходятъ теперь за предѣлы хозяйственно-практическихъ соображеній. Основнымъ мотивомъ къ періодическимъ ихъ созывамъ является изысканіе средствъ къ удовлетворенію различныхъ епархіальныхъ и училищныхъ нуждъ. Вопросы же духовнаго порядка, касающіеся сложной области церковно-религіозныхъ отношеній, совершенно отсутствуютъ въ программахъ указанныхъ сѣздовъ. Житейскій характеръ сѣздныхъ программъ не даетъ обнаружиться среди насъ именно тѣмъ запросамъ, которые составляютъ жизненный нервъ нашего служенія. Члены сѣзда, собравшись съ разныхъ сторонъ епархіи, занимаются почти исключительно обсужденіемъ разныхъ хозяйственныхъ епархіальныхъ дѣлъ, вопросы же, выдвигаемые на очередь современными требованіями религіозно-общественной жизни, никѣмъ изъ членовъ сѣзда не представляются на обсужденіе. А между тѣмъ масса матеріала, взятаго изъ непосредственнаго опыта, дала бы яркую картину современнаго религіозно-нравственнаго состоянія народно-общественной жизни, создала-бы изъ докладовъ сѣздовъ цѣлую литературу народнаго быта, съ освѣщеніемъ самыхъ потаенныхъ явленій народной психологіи. Никто такъ близко не стоитъ къ народомъ душѣ, ни передъ кѣмъ такъ глубоко не раскрывается она въ самыхъ сокровенныхъ своихъ изгибахъ, какъ передъ пастыремъ Церкви; поэтому ничье свидѣтельство о духовныхъ запросахъ народа не можетъ быть такъ авторитетно, такъ жизненно-правдиво, какъ искреннее слово пастыря, сказанное въ кругу сопастырей съ цѣлю взаимно помочь другъ другу въ великомъ подвигѣ христіанскаго устроенія жизни. Представляясь на сѣздахъ въ лицѣ лучшихъ своихъ членовъ, духовенство имѣло-бы возможность вслухъ высказать свои затаенные теперь идеалы, свои завѣтныя чаянія и стремленія. И кто знаетъ, — быть можетъ, такое свѣжее дуновеніе жизни вызвало-бы къ энергичному расцвѣту дремлющія теперь по захолустнымъ угламъ наши пастырскія силы. Во всякомъ случаѣ, возможность совмѣстнаго и законмѣрнаго обсужденія поставляемыхъ жизнью и саномъ задачъ не могла-бы не отразиться подъемомъ общаго уровня нашего церковнаго самосознанія, что, въ свою очередь, не прошло-бы безслѣдно для одухотворенія и оживленія всей

цѣлокупной работы духовенства въ сторону дѣйствительнаго освѣщенія жизни богатыми дарами изъ неисчерпаемой сокровищницы Православія. Не говоримъ уже о томъ, насколько умѣрилось-бы то презрительное отношеніе къ намъ, какое царитъ теперь въ кругахъ отошедшей отъ Церкви интеллигенціи. Воодушевляемые взаимнымъ общеніемъ на почвѣ общихъ служебныхъ интересовъ, вдохновляемые коллективно уясненными (по требованію времени) пастырскими идеалами, съ строго опредѣленными ближайшими задачами своихъ просвѣтительныхъ усилій, подъ авторитетнымъ руководителествомъ своего епархіальнаго архіерея, — мы могли-бы представить изъ себя органическое цѣлое, всѣ силы котораго полностью исчерпывались-бы въ общей плановѣрной работѣ съ результатами, далеко выходящими за предѣлы отводимыхъ намъ тѣсно — канцелярскихъ рамокъ. Мы могли-бы быть дѣйствительно живою силою, шли-бы впереди общества, какъ оно и слѣдуетъ по существу нашего служенія. Наше нравственное единеніе явилось-бы съ одной стороны якоремъ спасенія для многихъ лучшихъ среди насъ дарованій, часто опускающихся въ тоскѣ духовнаго одиночества нашихъ захолустьевъ, — а съ другой — много послужило-бы къ примиренію, если не прямо — къ возвращенію нашей интеллигенціи въ лоно Церкви Православной. (Екатеринбур. Еп. Вѣд.).

Свящ. *Іоаннъ Пузыревъ.*



Священникъ Іоаннъ Мойсеевичъ Булдовскій

25 Марта, въ 10 ч. утра, въ Полтавскомъ Богоугодномъ Заведеніи тихо, безъ страданій, скончался заштатный священникъ І. М. Булдовскій. Почившій, — сынъ священника, родился 23 Сентября 1839 г. въ м. Старыхъ Сенжарахъ Полт. уѣзда, и былъ младшимъ ребенкомъ въ семьѣ. Первые годы его жизни были полны горя и нужды: еще шестинедѣльнымъ ребенкомъ лишился онъ отца, а лѣтъ черезъ восемь и матери, почему любви и ласки родительской онъ почти не зналъ. Заботу о немъ принялъ на себя старшій братъ его, Андрей, бывшій тогда уже священникомъ.

Благодаря ему, почившій былъ обученъ грамотѣ и опредѣленъ въ Переяславское Духовное Училище, какъ круглый сирота, на казенное содержаніе. Успѣшно окончивъ училище, онъ перешелъ въ Семинарію. Нужда, холодъ и голодъ бурсы вредно отразились на его слабomъ отъ природы здоровьѣ, и въ семинаріи онъ часто болѣлъ, тѣмъ не менѣе учился все же успѣшно. При немъ семинарія была переведена въ Полтаву, гдѣ онъ и окончилъ курсъ 15 Іюля 1863 года. Вскорѣ послѣ того женился, а 29 Ноября 1864 г. рукоположенъ былъ въ санъ священника къ Покровской церкви с. Васильевки, Хорол. уѣзда.

Съ первыхъ же шаговъ священства о. Іоаннъ начинаеть свое педагогическое поприще, котораго не оставлялъ до выхода за штатъ. Съ любовью и умѣніемъ научалъ онъ юныя поколѣнія не только Закону Божію, но и грамотѣ. Такъ въ Васильевской школѣ онъ занимался съ дѣтьми по всемъ предметамъ школьнаго курса.

Но въ Васильевкѣ онъ служилъ не долго. Для укрѣпленія здоровья врачи рекомендовали ему поселиться при рѣкѣ, что бы пользоваться купаньями. Это побудило покойнаго просить перевода въ с. Демяновку, Хорол. уѣзда (лежитъ при Сулѣ), куда онъ и былъ назначенъ покойнымъ Архіепископомъ Іоанномъ 20 Сентября 1871 г. Демяновка тогда не имѣла никакой школы, на что сразу и обратилъ свое вниманіе о. Іоаннъ. Энергичный и настойчивый онъ исключительно на свои средства открылъ тамъ небольшую школу, гдѣ нѣсколько лѣтъ самъ велъ все занятія; хлопоталъ о принятіи школы въ Епархіальное вѣдомство, но успѣха въ этомъ не имѣлъ, и передалъ ее въ вѣдѣніе земства, которое и назначило туда учителя; о. Іоаннъ остался законоучителемъ и учителемъ пѣнія. Обладая музыкальнымъ слухомъ, понимая пѣніе и владея скрипкой, о. Іоанно создалъ въ Демяновкѣ небольшой, но стройный хоръ.—Четырнадцать лѣтъ прослужилъ онъ въ Демяновкѣ; прихожане за это время успѣли привязаться къ нему, да и онъ сжился съ ними.—Но желаніе быть ближе къ дѣтямъ, которыя учились въ Полтавѣ, побудило его искать мѣста вблизи Полтавы; и 19 Сентября 1885 г. онъ перешелъ въ м. Старые Сенжары, къ Успенской церкви, при которой когда-то служили его дѣдъ, отецъ и братъ. Здѣсь онъ былъ такъ же зачисленъ законоучителемъ 1-го земскаго народнаго училища и несъ эту должность до самаго выхода заштатъ (8 Янв. 1903 г.). Такимъ образомъ, о. Іоаннъ свыше 38 лѣтъ-непрерывно трудился на поприщѣ народнаго образованія. Съ любовью и терпѣніемъ отдавался онъ это-

му нелегкому труду; уроки посѣщаль исправно, преподаваніе вель толково;—и дѣти у него всегда прекрасно знали Законъ Божій, за что онъ неоднократно получаль письменныя благодарности: отъ г. Попечителя Кіев. Уч. Округа (31 Янв. 1889 г.), отъ Полт. Уѣзд. Учил. Совѣта (8 Нояб. 1897 г.) и отъ Полт. Уѣз. Зем. Собранія (15 Окт. 1887 г. и 4 Авг. 1888 г.).

Не менѣе ревностенъ былъ покойный о. Іоаннъ и въ дѣлѣ пастырскаго назиданія. Почти каждое богослуженіе предлагаль онъ своимъ прихожанамъ слово назиданія. Среди его бумагъ оказалось много поученій, писанныхъ имъ, простыхъ, но искреннихъ и назидательныхъ; въ нихъ онъ часто касался суевѣрій и пороковъ, замѣченныхъ имъ среди прихожанъ. Во все воскресные и праздничные дни онъ вель въ богослужебныя собесѣдованія, записывая таковыя въ журналъ; весьма часто въ церкви по окончаніи богослуженій, громко и внятно прочитываль самъ утреннія и вечернія молитвы, символъ вѣры и заповѣди, приглашая молящихся повторять ихъ за нимъ. Богослуженіе всегда, и въ будни и въ праздники, совершалъ истово, не спѣша; возгласы даваль раздѣльно, съ выраженіемъ. Съ прихожанами былъ общителенъ и охотно дѣлиль съ ними хлѣбъ-соль, пользуясь такими общеніями для пастырскихъ назиданій. Въ свою очередь и прихожане цѣнили это и дѣлились съ нимъ своимъ достаткомъ, почему покойный хотя и не былъ богатъ, но не испытываль и особенно острой нужды. Вообще въ дѣлѣ пастырства, какъ и во всемъ, онъ былъ всегда аккуратенъ и исполнительенъ, за что и прихожане были къ нему признательны и относились съ уваженіемъ и любовію.

Помимо пастырства и законоучительства покойный о. Іоаннъ несъ и нѣкоторыя общепархіальныя обязанности; такъ, онъ былъ депутатомъ V Епарх. Съѣзда, 13 лѣтъ былъ членомъ Благочинническаго Совѣта и столько же лѣтъ духовникомъ благочинія. И Епархіальное Начальство не оставляло его безъ своего вниманія: онъ имѣль награды отъ набадренника до Синодальнаго Наперснаго Креста включительно.

Въ частной жизни о. Іоаннъ былъ въ высшей степени миролюбивъ, скромнень, со всѣми любезенъ и всегда благодушенъ. Эти дорогія качества души въ связи съ природнымъ остроуміемъ и тактомъ создали ему тотъ симпатичный нравственный обликъ, за который онъ пользовался среди своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ искреннимъ расположеніемъ и глубокимъ уваженіемъ.

Съ раннихъ лѣтъ испытавъ на себѣ всю тяжесть бѣдности и горечь сиротства и обладая добрымъ сердцемъ, о. Іоаннъ всегда охотно отзывался на чужое горе и всегда оказывалъ посильную помощь нуждающимся. Двухъ сиротъ-родственницъ-онъ воспиталъ на свои средства, давъ имъ возможность окончить Епарх. Училище; при этомъ никогда, ни въ чемъ не отличалъ ихъ отъ родныхъ своихъ дочерей.

По выходѣ заштатъ, покойный былъ почти два года завѣдующимъ Епарх. Св.-Макар. книжнымъ складомъ. Помѣщаясь въ плохой квартирѣ, холодной и со сквозняками, онъ въ конецъ разстроилъ свое здоровье, вообще слабое; болѣзнь приняла острую форму и заставила лечь въ больницу, гдѣ, пробывъ 5 мѣсяцевъ, о. Іоаннъ скончался 25 Марта.

На другой день, въ 3 ч. по полудни, послѣ краткой литіи² совершенной семью священниками, при участіи архіерейскаго хора, тѣло почившаго перенесено было изъ часовни Богоугод. Заведенія въ Кладбищенскую церковь. 27 Марта, въ воскресенье, раннюю литургію совершали сынъ почившаго свящ. Кладб. церкви о. Ѳ. Б-ій. Въ концѣ литургіи онъ обратился къ молящимся съ сердечнымъ словомъ, въ которомъ и вѣдалъ имъ горечь своей утраты и усердно просилъ ихъ поминать его отца въ своихъ молитвахъ. Въ 2 ч. по полудни, при многочисленномъ стеченіи народа начался чинъ погребенія, который совершали во главѣ съ Протоіереемъ о. І. Галабутскимъ, при участіи градскаго Благодѣянаго, прот. о. В. Глинскаго, десять священниковъ съ девятью діаконами, при пѣніи архіерейскаго хора подъ руководствомъ о. Г. Горянова, стройное пѣніе особенно располагало душу къ горячей молитвѣ. По шестой пѣсни канона у гроба почившаго свящ. о. Г. Богацкіи произнесъ рѣчь, въ которой симпатичными чертами охарактеризовалъ почившаго. Указалъ на скорбь, которую невольно испытываетъ каждый, когда такіе рѣдкіе люди, какъ о. Іоаннъ уходятъ изъ нашей сѣрой, сумрачной жизни, гдѣ они являются какъ бы огоньками, согрѣвающими окружающую насъ холодность и эгоизмъ. Приглашалъ молящихся всегда памятовать и о своемъ смертномъ часѣ, который для нѣкоторыхъ быть можетъ уже и близокъ. Рѣчь о. Богацкаго, мастерски произнесенная, произвела на слушателей сильное впечатлѣніе. Послѣ чтенія молитвословія „Всесвятая Дѣво“, сказалъ рѣчь зять почившаго, свящ. о. Г. П-ій, въ рѣчи свой онъ прекрасно охарактеризовалъ почившаго какъ рѣдкаго пастыря, человѣка и отца. Послѣ смерти о.

Иоанна остались только небольшія деньги на погребеніе; къ смерти оны приготовили блаженіе и все необходимое для іерея и все это за нѣсколько лѣтъ до болѣзни.

Миръ праху твоему, достойный пастырь и рѣдкій человекъ!

Свящ. *Григ. Прихожій.*

Извѣстія и замѣтки.

Откликъ матерей на курское рѣшеніе вопроса о молитвѣ дѣтей.—Хроника текущихъ событій.

Откликъ матерей на курское рѣшеніе вопроса о молитвѣ дѣтей.—Въ редакцію присланы два письма „пораженныхъ“ матерей съ вырѣзкою изъ № 8683 „Биржевыхъ Вѣдомостей“, содержащую сообщеніе изъ г. Курска о томъ, какъ собраніе родителей и педагоговъ порѣшило вопросъ о молитвѣ дѣтей передъ уроками въ школахъ и о хожденіи ихъ въ церковь. Приводимъ текстъ сообщенія и оба письма.

„Изъ Курска сообщаютъ, что тамъ состоялось совѣщаніе родителей и педагоговъ, коснувшееся цѣлаго ряда серьезныхъ вопросовъ. Такъ въ совѣщаніи обсуждался, между прочимъ, вопросъ о предоставленіи воспитанникамъ гимназій права собираться въ гимназическомъ залѣ для обсужденія своихъ нуждъ. Противъ этого предложенія высказывались только родители изъ неинтеллигентныхъ классовъ.“

„Послѣ преній вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Далѣе обсуждался вопросъ объ отмѣнѣ обязательнаго посѣщенія воспитанниками церкви. На эту тему говорилъ одинъ изъ присутствовавшихъ въ собраніи родителей—священникъ, горячо возстававшій противъ принужденій въ области религіознаго воспитанія. Въ результатъ—принудительное хожденіе въ церковь признано подлежащимъ отмѣнѣ, равно какъ и обязательная казенная молитва предъ уроками, отнимающая 20—30 мин. времени“.

Первая мать пишет: „Прочитавши въ „Биржев. Вѣд.“ № 8683 сообщеніе изъ Курска о совѣщаніи родителей и педагоговъ гимназіи, я въ ужасъ пришла отъ принятыхъ ими рѣшеній. Молитва передъ уроками названа „казенной“ и отмѣнена, обязательное хожденіе въ церковь присуждено отмѣнить, и больше вѣхъ будто бы, настаивалъ на этомъ странномъ рѣшеніи нашъ православный священникъ. По прочтеніи того сообщенія, горько, больно и мучительно тяжело на душѣ. До чего дожили мы, православные люди! Не даромъ правосудный Господь посылаетъ намъ бѣдствія, вполне стоимъ мы холеры и чумы! Православные родители и учителя, во главѣ съ православнымъ священникомъ, признаютъ молитву для своихъ дѣтей „казенной“, не нужной, а можетъ быть изъ ста дѣтскихъ душъ хоть для 30—20-ти эта молитва оказалась бы „собственной“, т. е. соотвѣтствующей ихъ настроенію, и повліяла бы благотворно на ихъ души. Священникъ болѣе другихъ долженъ знать, что къ молитвѣ надо приучать и понуждать себя. Бываетъ вѣдь такъ, что начнешь молиться съ лѣнью, почти нежеланьемъ, а потомъ, во время молитвы, почувствуешь ея сладость: куда дѣнутся и сонъ и лѣнь, и оторваться не хочешь отъ молитвы.

„Итакъ страшное начало (ибо подобныя постановленія заразительны, какъ всякое зло) принято на святой православной Руси;—обязательное хожденіе въ храмъ Божій и утренняя молитва въ школѣ православными родителями, учителями, во главѣ съ священникомъ, признаны вредными для православныхъ дѣтей въ г. Курскѣ и отмѣнены. Воистину, какъ будто настаютъ послѣднія времена, когда можно и должно сказать: „блаженно чрево не родившее и сосцы не питавшія“.

Письмо второй: „Поразило меня возстаніе Курскаго священника, а подъ его вліяніемъ и Курскаго общества противъ „принужденія въ области религіознаго воспитанія“, какъ сказано это въ № 8683 „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

„Это какое-то неслыханное доселѣ въ мірѣ православномъ явленіе. Ничего на это нельзя сказать иного, какъ то, что—е горе вамъ! Какъ глупо, и въ сердцѣ васъ, имѣвшихъ счастье принадлежать къ единой Церкви Христовой, съ тайнодѣй-

ствующей въ ней благодатию искупленія и дара Духа Святаго, начинаетъ уже водворяться „мерзость заустѣнiя“.

„Поразила и даже смутила меня степень паденiя нашего христіанства православно-русскаго, дошедшаго до отрицанiя необходимости „казенной молитвы“ дѣтей передъ уроками, которою можно, мало по малу, вкоренить въ наше юношество сознанiе, что только то дѣло можетъ идти успѣшно, на которое человѣкъ, посредствомъ молитвы, испроситъ благословенiе свыше, вкоренить ту мысль, что надлежащее молитвенное настроенiе не дается туне, что и молитва, въ своемъ родѣ, даръ Божiй, что и она составляетъ извѣстную способность души человѣческой, которую, какъ и каждую иную способность, необходимо развивать, чтобы довести ее до той силы, которая бы была въ состоянiи низвести благословенiе свыше.“

„Для учащейся молодежи эта „казенная молитва“ можетъ даже быть иногда единственною утреннею молитвою, такъ какъ, спѣша на непосильно-раннiе для юношества уроки, не каждый въ состоянiи успѣть помолиться дома. Разумѣется, ученикъ и на этой общественной молитвѣ можетъ отнестись къ ней машинально, но отъ руководителей, въ особенности отъ священника, зависитъ внушить молодому поколѣнiю важность этой молитвы и развить въ юношествѣ жажду общенiя съ Богомъ. И если мы въ своемъ духовенствѣ не будемъ уже находить подобной нравственной и духовно-религіозной поддержки, то до чего же дойдемъ мы подъ влiянiемъ той вражьей силы, которая въ настоящее время съ такою яростью накинулась на насъ, чтобы съ помощью давно отошедшихъ отъ церкви Христовой развратить нынѣ окончательно и самое даже юное наче поколѣнiе. И дѣйствительно, что такое наша теперешняя смута общественная и государственная, смута среди даже дѣтей нашихъ, какъ не результатъ отступничества старшихъ отъ вѣры, какъ не результатъ забвенiя ими молитвы, забвенiя Бога—своего Творца и Отца Небеснаго, забвенiя предстоящей страшной предъ Нимъ загробной отвѣтственности за малѣйшее нарушенiе Его законовъ, а въ особенности за развращенiе дѣтей своихъ“.

Хроника текущихъ событий.—Военныя извѣстія послѣднихъ дней производятъ новое удручающее дѣйствіе на сердце русскихъ людей и свидѣтельствуетъ, что чаша горестей нами еще не испита до дна. Упорныя сраженія подъ Мукденомъ и удачныя отраженія ожесточенныхъ атакъ японцевъ на наши позиціи внезапно разрѣшились общимъ отступленіемъ нашихъ войскъ къ Телину, подъ напоромъ пяти армій непріятели, начавшаго окружать насъ и успѣвшаго даже прорвать нашу линію въ болѣе слабомъ пунктѣ, воспользовавшись къ тому сильнымъ ураганомъ, дувшимъ въ лицо нашихъ солдатъ, и содѣйствіемъ хунхузозъ и даже китайцевъ. Отступленіе совершилось хотя успѣшно, но не въ полномъ порядкѣ и съ немалыми потерями, какъ въ людяхъ, такъ и въ военныхъ запасахъ. На новыхъ позиціяхъ наши войска начали было отбивать опять атаки врага съ немалыми для него потерями, но снова отступили. Продолженіе прежней стратегической системы отступленій и пассивной обороны приводитъ и общество въ уныніе и даетъ закрадываться въ него чувству неудовольствія противъ главнокомандующаго и сомнѣнія въ его рѣшительности и смѣлости. Отсутствие подвижности въ нашей арміи и надлежащаго знанія силъ и намѣреній противника, при его, напротивъ, подвижности и хорошей освѣдомленности относительно нашихъ силъ, ихъ передвиженій и расположеній, и въ иностранной прессѣ указываются какъ причина нашихъ неудачъ, при всемъ удивленіи ея предъ неимовѣрной силой нашего сопротивленія. Но о заключеніи мира, котораго такъ хотѣлось бы врагамъ, къ униженію Россіи, конечно, и думать пельзя съ истиною русской, патріотической точки зрѣнія, пока оружіе наше не увѣнчалось побѣдными лаврами, и великій русскій народъ, конечно, не отступитъ для этой цѣли ни передъ какими жертвами. По Высочайшему повелѣнію, ген. Куропаткинъ передалъ власть главнокомандующаго ген. Леневицу, и назначенъ нынѣ командующимъ 1-й арміи.

Встрѣча Портъ-Артурскихъ героевъ, во главѣ съ ген. Стеселемъ, не взятыхъ въ плѣнъ японцами подъ условіемъ не сражаться болѣе въ нынѣшнюю войну съ ними,—повсюду, гдѣ они остававливались, въ частности въ

Москвѣ и Петербургѣ, была весьма сочувственная и восторженная, достойная ихъ великихъ подвиговъ. Но неблагопріятное впечатлѣніе произвели, съ возвращеніемъ ихъ, возникшія пререканія и взаимныя обвиненія портъ-артурскихъ дѣятелей сухопутныхъ и морскихъ, а также и видимый разладъ между братьями по оружію, вернувшимися домой и пошедшими въ плѣнъ японскій. Означенное впечатлѣніе усилилось подъ вліяніемъ еще разлада въ военныхъ сферахъ въ оцѣнкѣ поступка ген. Гриппенберга, оставившаго доверенную ему армію и уѣхавшаго съ войны по неудовольствію противъ главнокомандующаго, такъ какъ послѣдній не поддержалъ его плана наступленія на непріятели. Поступокъ съ точки зрѣнія военной дисциплины—не подлежащій оправданію. Но вѣдь недавно прибылъ въ Петербургъ знаменитый генераль Драгомировъ и высказалъ приговоръ по дѣлу ген. Гриппенберга въ его оправданіе,—приговоръ совсѣмъ неожиданный и едва ли нуждавшійся въ опубликованіи.

Комитетъ министерствъ и комиссіи по разработкѣ преобразовательныхъ предположеній Высочайшаго указа 12-го декабря—продолжаютъ свои занятія неукоснительно. Одна изъ комиссій, по рабочему вопросу, подъ предѣтельствомъ дѣйств. тайн. совѣтника Шидловскаго, уже закрыта, такъ какъ со стороны рабочихъ заявлены нѣкоторые требованія по вопросу о выборахъ представителей, не соответствующія даннымъ имъ указаніямъ, а со стороны предѣдательствующаго въ комиссіи не обнаружено желанія входить съ рабочими въ личныя объясненія и разбирать ихъ нужды помимо тѣхъ бюрократическихъ формальностей, какія закралась и въ это дѣло.—Въ комиссіи, подъ предѣтельствомъ гр. Игнатъева, по пересмотру установленныхъ для государственнаго порядка исключительныхъ законоположеній, обращено вниманіе на множество злоупотребленій допускаящихся мѣстной администраціей и вообще полиціей при примѣненіи закона объ усиленной охранѣ, особенно относительно права ареста и ссылки, хотя изъ этого далеко не слѣдуетъ, чтобы въ настоящую смутную эпоху, когда общество страдаетъ отъ недостатка охраны его правъ, не исключая и права на жизнь, можно было сомнѣваться въ необхо-

димости усиленной охраны. Великое зло даннаго законоположенія заключалось въ томъ, что политическіе преступники, вмѣсто заключенія ихъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы они были ни для кого не опасны, высылались изъ мѣстностей, гдѣ дѣйствовала усиленная охрана, въ губерніи свободныя отъ нея и могли тамъ легко вести свою пропаганду, заражать политическими вождельніями лицъ еще не зараженныхъ ими, и такимъ образомъ дѣлали необходимымъ и эти губерніи объявлять на положеніи усиленной охраны. Такой порядокъ, безъ сомнѣнія, требуетъ отмены.—По вопросу о вѣротерпимости въ комитетѣ министровъ постановлено отменить нѣкоторыя распоряженія административныхъ властей, ведущія къ стѣсненіямъ въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, не вытекающимъ изъ закона, затѣмъ ходатайствовать о помилованіи лицъ, подвергшихся безъ суда высылкѣ изъ мѣстъ постоянного жительства или лишенію свободы за религіозныя заблужденія и вытекающіе изъ оныхъ поступки. Вслѣдствіе этого заключенные въ монастыряхъ, напр. Суздальскомъ, Спасо-Евѣиміевомъ, получаютъ свободу. При этомъ только возникаетъ вопросъ: можетъ ли такое освобожденіе быть резоннымъ безъ обстоятельнаго пересмотра обвинительныхъ пунктовъ по дѣлу каждаго изъ заключенныхъ, и напр. такой, какъ Ковалевъ, подъ влияніемъ изувѣрнаго раскольничьяго фанатизма заживо погребшій своихъ родственниковъ, неужели будетъ отпущенъ съ миромъ на продолженіе поступковъ, вытекающихъ изъ его религіознаго заблужденія? А можетъ быть найдется еще изувѣръ и того больше и опаснѣе. Между тѣмъ, по газетныхъ извѣстіямъ, такихъ заключенныхъ освобождено уже до 900 человѣкъ. Вообще давній и сильно пререкаемый вопросъ о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости разрѣшать нужно съ особымъ вниманіемъ и большимъ опасеніемъ, какъ бы широкая вѣротерпимость къ иновѣрцамъ и расколо-сектантамъ не повела къ ущербу и стѣсненію господствующей вѣры православной.—По вопросу о свободѣ печати, въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ г. Кобеко, предполагается отмена цензурныхъ стѣсненій и административнаго усмотрѣнія, съ замѣною послѣдняго судебнымъ порядкомъ. Но, конечно, долженъ быть выработанъ строгій

и точный „уставъ“, опредѣляющій границы свободы печатнаго слова, въ виду необходимой и законной защиты общества отъ распространенія ложныхъ и вредныхъ ученій, оскорбляющихъ народную вѣру и нравственность, нарушающихъ общественное спокойствіе и колеблющихъ существующій государственный строй.

Новыя высшія административныя назначенія. На Кавказѣ возстановлено намѣстничество, и на этотъ высокій постъ назначень графъ *И. И. Воронцовъ-Дашковъ*, бывшій министръ Двора при императорѣ Александрѣ III и главный начальникъ охраны Его Величества, извѣстный какъ ближайшій слуга и истинный другъ названнаго императора, въ молодости служившій и на Кавказѣ, который ему такимъ образомъ достаточно извѣстенъ. Хотя Кавказъ послѣ замиренія его значительно разбогатѣлъ, обстроился, усилился въ отношеніи развитія торговли, промышленности, разработки его великихъ природныхъ богатствъ, но тамъ, при крайнемъ разнообразіи населенія и его неспокойномъ восточномъ духѣ, развилась зловредная пропаганда на почвѣ ложно понятой національности и соціализма и началась борьба съ русской властію. Пошли разбои, грабежи, путаница понятій и взаимныхъ отношеній между народностями, особенно подъ вліяніемъ армянства,—дошедшіе въ послѣднее время до ужасныхъ кровавыхъ столкновеній между татарскими мусульманами и армянами—въ Баку, отчасти и въ другихъ мѣстахъ, что повлекло къ введенію военнаго положенія. Возстановленіе намѣстничества должно способствовать болѣе широкому размаху русскаго государственнаго знамени и господству въ краѣ русской власти, а отсюда его дисциплинированію и успокоенію.—*Въ Польшѣ*, на мѣсто уволеннаго по разстроенному здоровью престарѣлаго генерала Черткова, назначень на должность командующаго войсками Варшавскаго военнаго округа и Варшавскаго генераль-губернатора наказной атаманъ войска Донскаго ген.-адъютантъ *К. К. Максимовичъ*, получившій образованіе въ Николаевской академіи генеральнаго штаба и принимавшій участіе въ русско-турецкой войнѣ, потомъ бывшій командиромъ въ конныхъ полкахъ и военнымъ губернаторомъ Уральской области. Въ Привислянѣ

эмота тоже достигла значительныхъ размѣровъ, стачки, забастовки даже во гимназіяхъ, вооруженныя нападенія, особенно въ Варшавѣ, на полицейскихъ и военныхъ и соотвѣтствующія кровопролитыя воздѣйствія на мятежниковъ со стороны властей, затѣмъ стремленіе общества къ противодѣйствію русскому вліянію и устраненію болѣе 40 лѣтъ насаждаемаго тамъ русскаго просвѣщенія,—все это требуетъ теперь немалыхъ усилій со стороны правительства, чтобы водворить тамъ надлежащій порядокъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРИЕМЪ ВОСПИТАННИКОВЪ

ВЪ КІЕВСКУЮ ДУХОВНУЮ АКАДЕМІЮ

Отъ Совѣта Кіевской Духовной Академіи объявляется, что съ 16 августа 1905 года въ Кіевской Духовной Академіи, для образованія новаго курса въ ней, имѣетъ быть приемъ воспитанниковъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ студенты Академіи принимаются лица всѣхъ состояній православнаго исповѣданія, окончившіе курсъ духовной семинаріи съ званіемъ студента.—Окончившіе курсъ ученія въ классическихъ гимназіяхъ и соотвѣтствующихъ имъ свѣтскихъ учебныхъ заведенійхъ, для допущенія къ приемному экзамену, представляютъ свидѣтельства объ успешномъ выдержаніи ими испытаній при духовныхъ семинаріяхъ по всѣмъ богословскимъ предметамъ семинарскаго курса ученія.—Окончившіе курсъ въ русскихъ университетахъ и соотвѣтствующихъ имъ заведенійхъ принимаются безъ экзамена, если не имѣютъ въ виду занять стипендію; въ противномъ случаѣ подвергаются испытанію наравнѣ съ прочими.—Женатыя лица въ число студентовъ Академіи не принимаются.

2) Просьбы о приемѣ въ студенты Академіи подаются волонтерами лично или присылаются по почте на имя ректора Академіи до 6-го августа.

3) Къ прошенію о приемѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы: а) семинарскій аттестатъ; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, выданное духовной консисторіей; в) свидѣтельство о приискѣ къ призывному участку

п) отбыванію сей повинности; г) документъ о состояніи, къ которому принадлежит проситель по своему званію, если онъ не духовнаго происхожденія. Лица податнаго сословія обязаны сверхъ того представить свидѣтельства объ увольненіи ихъ обществами на законномъ основаніи; д) поступающіе въ Академію по прошествіи одного или нѣсколькихъ годовъ по выходѣ изъ учебнаго заведенія должны представить свидѣтельство о благонадежности отъ того начальства, въ вѣдѣніи котораго состояли.

Примѣчаніе. Семинарскія Правленія также до 6-го августа высылаютъ всѣ вышеозначенные документы назначенныхъ ими въ Академію воспитанниковъ, которые обязаны сами явиться въ оную къ 14 августа (но не ранѣе 12-го).

4) Желаящіе поступить въ число студентовъ Академіи должны имѣть въ аттестатахъ по поведенію баллъ 5.

5) Всѣ воспитанники, какъ присланные въ Академію по распоряженію начальства, такъ и поступающіе по собственному желанію, подвергаются предварительно медицинскому освидѣтельству состоянія ихъ здоровья, а затѣмъ повѣрочному испытанію въ особыхъ, назначаемыхъ для этого Совѣтомъ, комиссіяхъ и принимаются въ студенты лишь въ случаѣ удовлетворительности состоянія ихъ здоровья и по успѣшномъ выдержаніи въ Академіи повѣрочнаго испытанія.

6) Повѣрочныя пріемныя испытанія будутъ произведены по священному писанію ветхаго и новаго завіта, какъ двумъ отдѣльнымъ предметамъ, догматическому богословію, всеобщей церковной исторіи (до раздѣленія церквей) и одному изъ древнихъ языковъ (по выбору экзаменующихся); кромѣ того, подвергающіеся испытанію должны написать на заданныя темы сочиненія—одно по богословскимъ и другое по философскимъ предметамъ и поученіе. Тѣ изъ воспитанниковъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, кои не изучали древнихъ языковъ, на пріемномъ испытаніи освобождаются отъ экзамена по симъ языкамъ, съ обязательствомъ, однако-же, въ случаѣ поступления въ Академію, въ теченіе академическаго курса ученія сдать экзаменъ по одному изъ древнихъ языковъ.

7) Испытаніе *всѣхъ* явившихся будетъ производимо по программамъ семинарскаго преподаванія въ полномъ ихъ объемѣ.

8) Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по назначенію семинарскихъ начальствъ, такъ и по прошеніямъ,

выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе—на казенное содержаніе и стипендіи, а остальные—своекоштными.

9) Свободныхъ вакансій казеннокоштныхъ для I курса, согласно штату, имѣется 30, изъ которыхъ на 25 вакансій вызываются семинарскіе воспитанники по назначенію начальства, а 5 ваксіей предназначены для тѣхъ волонтеровъ, которые удовлетворительно сдадутъ повѣрочный экзамень. Свободныхъ стипендій для I курса имѣется въ виду не менѣе 5. Число своекоштныхъ студентовъ опредѣляется вмѣстительностію академическихъ зданій.

10) Своєкоштные студенты за свое содержаніе въ Академіи вносятъ 210 руб. въ годъ, или по 105 р. въ сентябрь и январь за каждое полугодіе; не удовлетворившіе этому требованію въ теченіе мѣсяца увольняются изъ Академіи.

11) Въ зданій Академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей, имѣющихъ *постоянное*, а не случайное или кратковременное жительство въ Кіевѣ.

12) Лица, поименованныя въ 79 статьѣ, пунктъ 2, и 80 ст., п. 3, Уст. о воинск. повинности (исаломщики, учителя духовн. училищъ, земскихъ и церковно-приходскихъ школъ, надзиратели дух. учил. и семин.), зачисленныя въ запасъ арміи и не выслужившія установленнаго пятилѣтняго срока въ занимаемыхъ ими должностяхъ, не могутъ быть допущены къ пріемнымъ экзаменамъ,

ВЪ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ СКЛАДѢ

СВЯТО-МАКАРЬЕВСКАГО БРАТСТВА

(Мало-Петровская ул. город. домъ рядомъ съ Токаревой)

Имѣются въ продажѣ въ большомъ выборѣ: кресты, иконы, св. облаченія, предметы церковной утвари; книги Богослужебныя, религіозно-нравственнаго и историческаго содержанія, учебники и пособія для церковныхъ школъ.

Принимается ремонтъ церковныхъ вещей.

БОЛЬШОЙ ПИСЧЕБУМАЖНЫЙ МАГАЗИНЪ,

складъ КОНТОРСКИХЪ КНИГЪ, канцелярскихъ, учебныхъ и
чертежныхъ принадлежностей

ТОРГОВАГО ДОМА

„Л. Т. ФРИШБЕРГЪ“

Александровская улица, телеф. № 40.

Поставка для учреждений и школъ.

◆ ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ. ◆

Первое Россійское Страхоеое Д-во, учр. въ 1827,

Агентство въ г. Полтавѣ (Алекс., № 42).

Уполномочено принимать КЪ ЗАСТРАХОВАНИЮ ОТЪ ОГНЯ, дома, фабрики, домашнюю движимость сельско-хозяйствен. имущества товары и т. н. СТРАХОВАНИЕ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ: рабочихъ на фабрикахъ, коллективныя или отдѣльныя, и др. лицъ а также пассажировъ на желѣзнодорожныхъ и водяныхъ путяхъ и СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ: на случай смерти, на дожитіе, на полученіе ренты въ разныхъ комбинаціяхъ.

Агентъ *И. Л. Фришбергъ.*

КОНТОРА ТОРГОВАГО ДОМА

„Л. Т. Фришбергъ“

ПРИНИМАЕТЪ НА СТРАХЪ ОТЪ ТИРАЖА ПОГАШЕНІЯ

1 Юля 1905 г.

5% выигр. билеты I займа. Обмѣнъ вышедшихъ билетовъ въ тиражъ производится конторой на мѣстѣ.

ЦЕРКОВНЫЯ ВЕЩИ
НА ВСЕЮ ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ
САМЫЙ БОЛЬШОЙ МАГАЗИНЪ

Р. М. Ф О Л О М И Ш А
ВЪ КІЕВѢ,

Подоль, Александровская улица, собст. домъ,

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ БЕЗПЛАТНО.

МАГАЗИНЪ
ЛОБАНОВА и Ко

на Александровской ул., въ домъ Фришберга.

Постояно-большой выборъ, ЗОЛОТЫХЪ, СЕРЕБРЯНЫХЪ
и БРИЛЛИАНТОВЫХЪ вещей, карманныхъ, столовыхъ,
стѣнныхъ и кабинетныхъ часовъ

ИКОНЫ и ЦЕРКОВНАЯ УТВАРЬ,

а также мельхиоровыхъ издѣлій разныхъ фабрикъ, ЦѢНЫ
ФАБРИЧНЫЯ съ ручательствомъ за качество товаровъ



СОДЕРЖАНИЕ:—I. Обь отношеніи духовенства къ современнымъ общественнымъ движе-
ніямъ.—II. Серьезное разногласіе.—III. Пастырскія наблюденія при посѣщеніи прихожанъ.
—IV. Въ виду предстоящаго съѣзда духовенства Полтавской епархіи.—V. Наша рознь.
—VI. Важный пробѣлъ.—VII. Священникъ Іоаннъ Мойсеевичъ Булдовскій. (Некрологъ).
—VIII. Извѣстія и замѣтки.—IX. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи

В. Конопатовъ
В. Терлеуцкій.

Печат., съ разр. мѣстн. дух. цензурь. 10 мая 1905 года.

Полтава. Типо-Литогр. Т. Д. „Л. Фришбергъ.“

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

HA BEER FOR D-3414414141414141

CAMIN BOPTION MALASINP

M. O. I. O. M. N. I.

W. P. H. I. S. T. O. R. Y.

LOGUE AGRICULTURE VINEY CO. CO. CO.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PERIODIC KVPATY BESPATNO

MALASINP

W. P. H. I. S. T. O. R. Y.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO